

авантюра
мелодрама

АЛЕНА ВИНТЕР

ВОЖДЕЛЕННЫЙ
МУЖЧИНА

Алена Винтер

Вожделенный мужчина

«ЭКСМО»

Винтер А.

Вожделенный мужчина / А. Винтер — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-45962-9

Габриэль робок, деликатен и нежен, а Клементина – напориста, эгоистична и неистова, она не умеет и не желает проигрывать. Брат и сестра выросли вместе и не мыслили жизни друг без друга. Время сыграло с ними злую шутку: повзрослевшие дети безумно влюбились друг в друга. Дядя Мартин, с младенчества воспитывавший сирот-племянников, решил проблему быстро и жестко: отправил Клементину в закрытый пансион. Скоро страсти улеглись, но ровно до того момента, пока влюбленные не получили большой пухлый конверт с анонимным письмом от неизвестного... Также роман выходил под названием «Сердце из двух половинок», автор Алёна Белозерская.

ISBN 978-5-699-45962-9

© Винтер А.

© Эксмо

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	19
ГЛАВА 5	24
ГЛАВА 6	31
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	34
ГЛАВА 7	34
ГЛАВА 8	36
ГЛАВА 9	39
ГЛАВА 10	41
ГЛАВА 11	45
ГЛАВА 12	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алена Винтер

Вожделенный мужчина

Красный «Феррари» медленно подъехал к ступенькам главного входа. Из машины вышла молодая женщина в легком голубом платье. На мгновение она остановилась, сняла очки и задумчивым взглядом осмотрела дом. В полуденном зное он казался спокойным и умиротворенным. Тихо стуча каблучками, женщина вошла внутрь. Холл освежал прохладой. Оглядевшись по сторонам, женщина мрачно улыбнулась: как она и предполагала – никого нет. Все спасались от жары в своих комнатах. Женщина достала из сумки пистолет и стала неспешно подниматься по лестнице. Мягкое ковровое покрытие приглушило шум шагов, но она знала, что Рун и Гойя уже видели ее машину, и была уверена, что это их не насторожит. Поднявшись на второй этаж, она повернула направо и двинулась к апартаментам Мартина. Рун, развалившись на диване, читал газету. Он ошеломленно посмотрел на нее, увидев пистолет, но так ничего и не успел предпринять, потому что она уже выстрелила ему в грудь. Затем мгновенно развернулась в сторону. Раздался глухой хлопок, и Гойя схватился за шею, пытаясь зажать рукой рану, из которой хлестала кровь. Она быстро открыла дверь спальни и, увидев, что Мартин подскочил с кровати, пытаясь дотянуться до пистолета, нажала на курок. Мартин одернул руку и прижал ее к телу. Лицо его побелело от боли. Молоденькая девушка, лежавшая рядом с ним, пронзительно закричала. Она схватила одеяло и натянула его на себя, словно старалась защититься от того, что последует далее. Женщина усмехнулась. Как большинство богатых кобелей, которых она знала, Мартин не отличался оригинальностью: чем старше становился он сам, тем моложе были его любовницы. По крайней мере, этой дико орущей дурочке на вид можно было дать не более двадцати. Мартин снял наволочку с подушки и неуклюже обмотал ее вокруг раненой руки.

– Закрой рот! – рявкнул он на вопящую девку.

Та перестала кричать, но продолжала громко всхлипывать, испуганно поглядывая на пистолет в руках женщины.

– Здравствуй, Клементина, – мягко произнес Мартин.

– Зачем ты убил его? – спросила она.

– Я этого не делал, – ответил Мартин.

– Врешь! – голос Клементины задрожал. – Он единственный любил меня.

– Не единственный, – Мартин протянул к ней здоровую руку. – И я люблю тебя, Клементина. Больше жизни своей!..

Ненависть лавой вскипела в ней.

– Замолчи! – И она нажала на курок.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

– Фрэнки-и!

Мальчишки истошно кричали, столпившись на берегу озера, вернее, ямы, которая только называлась озером. Несмотря на то что солнце уже спряталось, было очень жарко, и ребята, которым нечем было заняться в это время суток, охлаждались в глубоком котловане, наполовину заполненном водой.

Фрэнк освободился лишь пятнадцать минут назад, до этого он помогал Джеку Стравински разгружать машину со стройматериалами и очень устал. Он с радостью окунулся в воду и теперь с наслаждением ощущал, как она мягко расслабляла его затвердевшие мышцы.

– Фрэнки-и-и! – не унимались мальчишки.

– Что надо? – нехотя отозвался он.

– Твоего старика видели в баре у Калагана.

– И?

– Он был прилично пьян. Устроил драку, и Калаган его выгнал.

«Откуда у него деньги?» – подумал Фрэнк. Наверняка украл у матери. Быстрыми гребками он поплыл к берегу, вылез, отряхнулся и помчался домой.

Они жили на окраине Детройта, в бедном районе. Отец за всю свою недолгую жизнь сменил множество работ. Из-за сварливого характера, а также излишней любви к горячительным напиткам он нигде надолго не задерживался, а последний год вообще не работал. Ему было все равно, что жена, когда-то красивая и веселая, совсем сторбилась от постоянной работы. Женщины жалели Рут Уилкенс, потому что она вынуждена была тянуть на своих плечах двух подростков, да еще и этого противного пьянчугу, своего мужа. Часто лицо ее было разукрашено синяками, и она прятала глаза, горевшие стыдом, от любопытных соседей. «Надо бежать быстрее, – думал Фрэнк. – Если он начнет махать кулаками, никто из соседей и носу к нам не сунет, чтобы его успокоить. Опять до смерти напугает Роберта!» Роберт был на шесть лет младше Фрэнка. Сейчас ему было восемь. Он был тихим, добрым мальчуганом, и, когда в доме начинался скандал, мальчик испуганно прятался где-нибудь в углу, боясь даже открыть глаза от страха. После таких «концертов» он мог несколько дней не разговаривать, лишь молча рисовал в своем альбоме.

– Когда-нибудь ты станешь знаменитым художником, – говорила мама, рассматривая рисунки. – А ты, Фрэнк, будешь известным адвокатом.

Роберт радостно смеялся, а Фрэнк таял от любви, светившейся в ее глазах. Потом они усаживались на кровать и начинали мечтать о том, как будут жить, когда у них появится много денег. И никогда в их мечтах не было отца. Фрэнку становилось больно от этих иллюзий, но он понимал, что только они поддерживают маму и не дают ей окончательно упасть духом.

Из-за быстрого бега больно закололо в бок, и Фрэнк, тяжело дыша, остановился у калитки. Он напряг слух, пытаясь определить, что творится в доме, но было тихо. «Слава богу, – с облегчением подумал он, – или старик еще не пришел, или он настолько пьян, что уже улегся и храпит». Легко перескочив через три ступеньки, Фрэнк открыл дверь.

В прихожей он быстро скинул с себя тесные ботинки и, блаженно зажмурившись, пошевелил онемевшими пальцами.

– Мама, это я.

Тихий всхлип раздался в гостиной.

– Роберт? Ты один, малыш?

Он направился к испуганному брату и едва не упал, споткнувшись о сломанный стул. Выругавшись, Фрэнк отодвинул его в сторону и в ужасе остановился. На полу без движения лежала мама. Лицо ее было окровавлено, одна рука неестественно вывернута в сторону. Она не дышала.

– Мама! – он склонился над ней.

Казалось, он весь превратился в слух, пытаясь обнаружить хоть какие-то признаки жизни. Но тщетно – мама была мертва. В углу тихо плакал Роберт. Не будучи в силах подняться, Фрэнк на коленках подполз к нему и судорожно обнял. Нежно глядя худую детскую спину, он чувствовал, как в душу медленно вползает гнев. Наконец он открыл глаза и увидел торчавшие из-за дивана ноги отца. Ярость ослепила его, и он, не помня себя, подлетел к бесчувственному телу и стал молотить его кулаками. Уилкенс был настолько пьян, что не мог пошевелиться. Он лишь мычал и пытался что-то сказать.

– Молчи! – кричал Фрэнк. – Лучше молчи! Как ты мог?! Скотина!

Он плюнул ему в лицо и наотмашь ударил. Уилкенс на мгновение очнулся и заплетавшимся языком проговорил:

– Пошел ты...

Фрэнк огляделся. Накрытый пеленой горя, он ничего не видел, перед ним лишь стоял образ мертвой матери. С диким рыком он схватился за горло отца. Очнувшись, он понял, что все еще сжимает руками его тощую шею. Рот Уилкенса был открыт, а мертвые глаза дико смотрели вверх. Ярость ушла, оставив место страху. И Фрэнк закричал. В этом крике было столько боли, сколько не может вместить в себя ни одно человеческое сердце. Как раненое животное, он катался по полу. Его трясло, и он не понимал, где находится. Время исчезло, стерлось. Был только он сам и его боль... Потом Фрэнк увидел над собой глаза Роберта, полные слез. Он смотрел в них и медленно приходил в себя.

Быстро собрав вещи в ветхий чемоданчик, Фрэнк побежал в кухню, где под мойкой мама прятала деньги, сунул их в карман и схватил спички. Как сумасшедший, он бегал по дому, поджигая все, что могло гореть. Комнаты стали быстро заполняться дымом.

– Идем, – сказал Фрэнк брату.

– Мои рисунки! – умоляюще протянул тот.

– Нет времени.

И, схватив его за руку, Фрэнк вытащил Роберта из дома. Отойдя подальше, Фрэнк услышал крики соседей. Он оглянулся и еще несколько минут смотрел на то, как горит его детство.

ГЛАВА 2

На вокзале было шумно и суетно. Какой-то толстяк толкнул Роберта, и тот упал, больно ударившись коленкой о скамейку.

– Ну ты, жирный боров! – крикнул ему Фрэнк. – Смотри, куда прешь!

Нещадно жарило солнце, хотелось пить. Вокруг толпились люди, с шумом проносились мимо машины. Чикаго встретил братьев с присущим всем большим городам суетой и равнодушием.

Все деньги Фрэнк потратил на билеты, в кармане у него оставалось лишь несколько центов. Он купил немного жареной картошки, бутылку «Кока-колы» и с жадностью смотрел, как ест Роберт.

– Роберт, – мягко произнес Фрэнк, опустившись перед ним на корточки, – сейчас мы найдем приют. Не смотри на меня так, малыш. Это только на первое время.

Роберт молчал. Он ни слова не сказал после той ночи, и, как Фрэнк ни старался, он не мог расшевелить брата.

– Ну ладно, идем.

Роберт всунул в его руку теплую ладошку и покорно пошел следом. Фрэнк оглянулся по сторонам и, заметив проходившую мимо хорошо одетую даму, окликнул ее:

– Мэм, вы не подскажете, где здесь поблизости находится какой-нибудь приют?

Женщина испуганно отпрянула в сторону и прошептала:

– Я тебе что, бог, чтобы все знать? Спроси у полисмена, – и пошла вперед, бубня себе под нос: – Оборванцы!

– Чванливая кобыла! – каркающим голосом прокричал ей вслед какой-то старый дед, неизвестно как оказавшийся рядом.

Фрэнк с изумлением посмотрел на него. Старый, небритый, в засаленной одежде, он, наверное, принял последние слова богатой дамы на свой счет. Тогда понятно, почему он так брызгает слюной от злости.

– Приезжие? – спросил дед, оглядев ребят, и зашелся в приступе тяжелого кашля.

Дед был вовсе не страшным, но Роберт нервно сжал руку Фрэнка. Тем временем сам Фрэнк высматривал полисмена, но не видел ни одного мужчины, одетого по форме.

– Ночлег ищите?

– Да, сэр.

– Какой я тебе сэр! – сипло засмеялся дед. – Мы не из благородных. Видел, как тебя одна из таких отшила? Ей, видите ли, трудно было ответить – мол, мальчики, не знаю. Так нет! Оборванцами обозвала, – дед плюнул. – Это кто еще из нас оборванец, у самой за душой ничего нет! Это ты – нищая, дура! – прокричал он.

– Мистер, может быть, вы знаете о каком-нибудь приюте? – прервал деда Фрэнк и от нетерпения стал пританцовывать на месте.

Дед ухмыльнулся:

– Отчего не знать, знаю. В двух кварталах отсюда находится приют Святой Анны. Там всегда дают беднякам чем брюхо набить. Спросишь сестру Долорес. Станет отказывать, мол, мест нет или еще что, – моли, слезно моли ее! Она баба, то есть сестра, добрая. Поможет.

– Спасибо, сэр!

– Был бы я сэром, – дед потер бороду, – катился бы ты у меня куда подальше!

* * *

Они стояли у железных ворот приюта уже несколько минут, но на них никто не обращал внимания. Мимо проходили люди, а за воротами, казалось, мир остановился. Вдруг показалась толстенькая монашка, и Фрэнк восторженно вскрикнул.

– Мэм! – закричал он так громко, что сам испугался.

Монашка направилась к ним. Она оглядела их с нежной материнской улыбкой и спросила:

– Что случилось, мальчики?

Фрэнк растерялся от этого простого вопроса. Она ободряюще смотрела на него, ожидая ответа. Круглолицая и белокожая, в простом черном одеянии, она была похожа на пирожное, облитое шоколадом.

– Мэм... – неуверенно начал Фрэнк.

– Сестра Долорес, – поправила монашка, и он от радости просиял.

– Сестра, нам нужна помощь, – Фрэнк замялся, – у нас нет дома, нет семьи.

Комок застрял в горле. «Ну давай, говори что-нибудь!» Он уставился на свои ботинки и не знал, что еще добавить.

– Проходите, – сестра открыла калитку.

«Неужели все так просто?!» Фрэнк посмотрел на пухленькое лицо сестры Долорес, и оно показалось ему самым прекрасным в мире. Сердце его запело от счастья.

– К сожалению, мы не можем вам помочь, – печаль прозвучала в ее голосе.

Фрэнк онемел.

– Наш приют переполнен, – продолжала она.

Фрэнк так стремительно схватил сестру Долорес за мягкие руки, что она вздрогнула.

– Мэм, сестра, пожалуйста, возьмите только его, меня не надо. Я уже взрослый. Прошу вас. Помогите! Наши родители сгорели, и дом сгорел, – всхлипывал он. – У нас никого нет. Пожалуйста, я сам позабочусь о себе. Только его!

Фрэнк трясся от рыданий, и Роберт с удивлением посмотрел на него. Раньше старший брат никогда не плакал.

– Ну успокойся, успокойся, – мягко произнесла сестра Долорес. – Документы у вас есть?

Фрэнк испугался. Документов не было, потому что он о них даже не подумал. Он покачал головой и вытер слезы рукавом.

– Ну что же, мы что-нибудь придумаем. Вы из Чикаго? Нет?

В душе у него все похолодело. «Если они пошлют запрос в Детройт, узнают, что я – отцеубийца и трус. Они заберут Роберта, а меня упрячут в тюрьму! Она ждет, что же ей сказать?»

– Мы из Джолиэт, – выдавил он из себя. – Это недалеко от Чикаго.

– Вы католики?

Фрэнк утвердительно кивнул. На самом деле они даже не были крещеными.

Мама в Бога не верила и в церковь не ходила, хотя иногда рассказывала мальчикам об Отце Божьем. Для Фрэнка Бог ничего не значил, поэтому ему не составило труда соврать.

– Хорошо. Как вас зовут?

Фрэнк сжал руку Роберта, и тот зажмурился от боли.

– Его – Роберт. А меня Мартин. Роберт и Мартин Хаксли.

– Идем, Роберт, – она взяла мальчика за руку, и он покорно подошел к ней.

– Роберт, – выкрикнул Мартин, бывший еще несколько мгновений назад Фрэнком, – я буду приходить каждую неделю!

– Прощайся с братом, – сестра Долорес подтолкнула Роберта к Мартину, но тот, сделав один шаг, остановился и опустил глаза. – А вы, мистер Хаксли, не забывайте о своем обещании!

* * *

Мартин брел по Лейк-Шор-Драйв, набережной Чикаго, протянувшейся извивающейся лентой вдоль озера. Он не обращал внимания на роскошные дома и богато одетых людей, он шел как пьяный, шатаясь от слабости, просто передвигал ноги, потому что если бы остановился на мгновение, то просто упал бы и никогда больше не встал. Вот уже больше недели он находился в этом проклятом городе, не имея ночлега, голодный и без работы. К кому бы он ни обращался, все гнали его прочь, как собаку. Он уже и превратился в собаку, подбирая какие-то объедки с земли и ночуя под открытым небом. Глаза у Фрэнка слипались, но он упрямо шел вперед. Желудок крутило, и внутри все полыхало огнем. К нему подошел полицейский и сказал:

– Проваливай отсюда, пока я не отвел тебя куда надо!

«Отведи меня куда надо, может, там меня накормят», – пронеслось у него в голове, но он побрел дальше, так ничего и не ответив. Уже стемнело, а Фрэнк все шел, не понимая, куда идет. Справа от себя он услышал шум. Кто-то вышел из двери и толкнул его плечом:

– Ну ты, оборвыш, не путайся под ногами!

«Это мне? Нет, я не оборвыш».

Он вошел внутрь. Это был бар. Много мужчин... Шум и чудесный запах лимонада. Стены словно закружились, мужчины затанцевали вокруг него. Как весело, и пахнет лимонадом...

Джей Коллуэн, маленький толстый владелец заведения по кличке Граммофон, протрубил из-за стойки:

– Эй, пацан, стой, где стоишь! А то я тебя...

– Сэр, я ищу работу и ночлег, – обратился к нему Фрэнк-Мартин и, неуклюже пошатнувшись, упал на пол.

Очнувшись, он увидел перед собой мокрое от напряжения лицо Джея, который усердно обмахивал его полотенцем.

– Давай-ка, держись за меня, – сказал Джей.

Он без труда поднял на руки легкого Мартина и куда-то понес его.

– Слышь, Джей, а из тебя получится хорошая нянька, – загоготали мужчины.

– Когда я напьюсь, поухаживай за мной, Джей-Джей!

Джей, не отвечая на шутки, молча отнес мальчика в небольшую комнату и положил на диван.

– Давно ел? – спросил он, потрепав его по щеке.

У Мартина не было сил ответить, он лишь едва заметно кивнул.

– Понятно, – не удивился Джей. – Сейчас принесу бульон.

* * *

Вот уже два месяца Мартин жил у Джея в маленькой комнатке, пристроенной к задней половине бара. Три на четыре метра комнатка, в которой едва помещались стол, диван и маленький платяной шкаф, казалась Мартину шикарным дворцом. «Толстая бочка» Джей просыпался всегда в шесть и громким воплем возвещал о том, что начался новый день и пора приниматься за работу. Мартин быстро вскакивал, складывал свой матрац и бежал во внутренний дворик, ополаскивать лицо водой.

– Мойся чище! – громыхал Джей. – Не хочу, чтобы люди говорили, что мой мальчишка бегают, как грязная свинья.

Он хватал Мартина за шиворот, подтаскивал его к холодной струе и намыливал ему лицо. Потом они завтракали яичницей с ветчиной, и Мартин приступал к уборке бара. Он тщательно

протирали столы, ставил на них стулья и с опытом старой домохозяйки принимался мыть пол. Вечером, когда появлялись посетители, он обслуживал их, иногда выполнял чьи-нибудь поручения. Словом, не было такой работы, от которой Мартин отказался бы. Шустрый и смывленный, веселый и абсолютно незлобивый, он нравился всем. Джей, у которого не было ни семьи, ни близких, был рад мальчишке, так неожиданно появившемуся в его жизни. Конечно, сначала он относился к Мартину настороженно и тщательно наблюдал за его поведением, пытаясь разобраться в характере парнишки, которому он дал работу и приют. Но вскоре его подозрения угасли. Уставший от одиночества, Джей получил большой подарок от жизни – друга. А Мартину посчастливилось начать новую жизнь. Он был рад, что Джей не заговаривает о школе. Сам он туда не хотел ходить, а Джей, похоже, и в голову не приходило, что четырнадцатилетний мальчишка должен учиться. Первое время Мартин боялся, что его будет разыскивать полиция, пугался, когда видел людей в форме, но время шло, им никто не интересовался, и он успокоился. Джей относился к нему ласково, но бранил его за проказы, не давал лениться и кричал, когда узнавал, что Мартин водит дружбу с «нехорошими шалопаями». Все, кто не работал и имел дело с криминалом, были для Джея «шалопаями». Несмотря на то что Джей и сам состоял в неких отношениях с лицами, ведущими не совсем законный образ жизни, он гордился, что никогда не имел проблем с законом, и тем, что совесть его чиста.

Чикаго тех лет был относительно спокойным городом, несмотря на его богатое криминальное прошлое. Времена Великой депрессии и Аль Капоне, когда в городе хозяйничали банды гангстеров, державшие в страхе жителей, давно прошли, но люди остались прежними, и «великие семьи» не изменились. Да, некоторые уходили, но на их место приходили новые, потому что теневая сторона жизни всегда представляла собою лакомый кусок, и мало находилось людей, готовых упустить возможность насладиться ее прелестями.

Джей с сомнением относился к дружбе Мартина с Тони Сфорца, племянником Сальваторе Маццола. Маццола являлся правой рукой Марио Бианчи, заправлявшего делами в их части города. Хотя Джей и сам мог пропустить рюмочку с Маццола, сидя в глубине прокуренного бара, он, не стесняясь в выражениях, высказывал Мартину все, что думает по поводу его интереса к подобным людям. А когда Мартин особенно горячо защищал своих товарищей, Джей, недолго думая, вытягивал его полотенцем по спине, грозился отправить к чертовой матери и загружал по горло делами.

Дружба с Тони началась с драки, в которой участвовал сам Тони, а также двое незнакомых ребят. Впрочем, это сложно было бы назвать дракой, потому что силы были неравными. Тони лишь слабо защищался, не имея возможности нападать. Проходившего мимо Мартина возмутила эта ситуация: в ней напрочь отсутствовало понятие честного боя, не ощущалось спортивного духа соперничества, имело место только грубое численное превосходство. Недолго думая, он отправил одного из парней в нокаут сильным ударом в ухо. Второй убежал, не желая для себя подобной участи.

– Ничего себе удар! – восхитился Тони. – Тренировался?

Мартин отрицательно покачал головой.

– Самоучка?! – ахнул Тони. – Надо рассказать о тебе дяде. Знаешь, у него есть боксерский зал. Кто знает, может, из тебя получится...

– Кассиус Клей? – хмыкнул Мартин.

– Мартин! – раздался нетерпеливый голос Джея, и Тони поднялся.

– Ты, похоже, занят, – неохотно протянул он, отряхивая штаны от пыли. – Можно прийти к тебе завтра?

Он с надеждой посмотрел в лицо Мартина. Вглядываясь в черные просящие глаза, Мартин ощутил, насколько ему не хватало друга, и с улыбкой протянул Тони руку:

– Увидимся завтра.

Красивое лицо Тони просияло, и он хлопнул Мартина по раскрытой ладони:

– До завтра!

Отца у Тони не было. Они с матерью жили в доме своего дяди, Сальваторе Маццола. Тони всегда хорошо одевался, много смеялся и был очень щедрым. Много раз они бегали в старый кинотеатр смотреть фильмы с Натали Вуд, слушали Луи Армстронга и часами говорили о боксе. Кумиром Тони был Флойд Петтерсон, который когда-то господствовал на профессиональном олимпе.

– Я бы эту Натали, да как...

– Кишка тонка, – рассмеялся Мартин и запустил огрызком от яблока в пробежавшего мимо них кота.

– Да ты знаешь, сколько у меня девчонок было? – не унимался Тони.

– Ври больше! Ты и голой сиськи не видел!

– А сам-то?

– А я и не хвастаюсь. Сиськи видел, а пробовать не пробовал.

Раз в неделю к Джею приходила немолодая на вид и густо покрашенная дамочка. Джей выставлял Мартина за дверь, давал ему пару монет и просил исчезнуть на два часа. Несколько раз Мартин пытался подглядывать за ними, но потом это ему надоело, и он проводил свободные часы в более интересных занятиях. Девушки его еще особо не привлекали, но в последнее время он начал замечать за собой интерес к дочери бакалейщика. Ее светлые волосы, чарующая походка волновали его и заставляли замирать на месте, когда девушка обращала на него внимание.

– Мелисса тебе хрен даст, готов спорить на что угодно, – ехидничал Тони.

– А тебе и подавно, – хохотал в ответ Мартин.

– Да меня бабы обожают!

Мартин и не сомневался в том, что Тони нравится противоположному полу. Черные миндалевидные глаза, по-детски свежая смуглая кожа, красиво очерченный рот – да, он был весьма притягателен и интересен. Но, несмотря на его мужественную фигуру и многообещающую внешность, в душе Тони был ребенком, он и вел себя как ребенок.

– Завтра будешь свободен?

– А что?

– Фрэнк Левински позвал нас к себе.

При имени Фрэнк Мартин вздрогнул. У него все поджилки затряслись, перед глазами появилось разбитое лицо матери и посиневшие губы отца. Он покачнулся и прислонился плечом к стене.

– Эй, Фрэнк, ты что?

– Какой Фрэнк? Я не Фрэнк. Я – Мартин! – сдавленно выкрикнул он, пытаясь справиться с головокружением.

– Я и сказал Мартин, – недоумевал Тони. – Давай сядем, а то ты совсем белый.

Мартин присел на корточки, и Тони, примостившись рядом, участливо спросил:

– У тебя что-то болит?

– Голова закружилась. Нужно идти, – Мартин поднялся, – Джей, наверное, уже ревет на всю округу.

Молча они подошли к бару, у дверей которого стоял «Кадиллак» Сальваторе Маццола. Черный, начищенный до блеска, он выглядел по-гангстерски лихим. Мальчики в восхищении крутились возле него, когда из бара вышел Маццола. Он кивнул Тони, и тот быстро шмыгнул в машину. Подойдя к Мартину, Маццола протянул ему руку в знак приветствия. Мартин не подал виду, но ему очень польстило, что такой важный человек здоровается с ним как с равным. Он выпрямил плечи и с достоинством ответил на рукопожатие. Рука у Маццола была сильной и твердой, но такой холодной, что даже спустя некоторое время он все еще ощущал прохладу на своей ладошке. Мартин вновь удивился тому, как они с Тони были похожи внешне.

Черноволосый и смуглый, с гладко выбритым лицом, Маццола смахивал на банкира. Трудно было представить, что этот импозантный мужчина связан с мафией.

Когда Маццола узнал о драке между мальчишками и о том, что Мартин выручил Тони, он пошутил по этому поводу, но Мартин оборвал его на полуслове, сказав, что мистер Маццола не должен вмешиваться. Краем глаза он увидел, как ухмыльнулся за стойкой Джей. Маццола понимающе кивнул и извинился за свой излишний интерес. После того случая он стал по-особому относиться к гордому пареньку. Иногда он просил Мартина выполнить кое-какие поручения и всегда щедро платил ему за труды. И сейчас, когда Маццола попросил передать конверт бакалейщику, Мартин с радостью согласился.

– Только сделай это сегодня.

– Да, сэр.

– Ты хороший парень, Мартин, – Маццола белозубо улыбнулся.

Мартин немедленно побежал к О’Донавану. В магазине было пусто. Он передал письмо бакалейщику и еще несколько минут постоял рядом с Мелиссой. Девушка давно заметила, что нравится ему. Видя, что Мартин не предпринимает никаких попыток сблизиться, она схватила его за руку, притянула к себе и прижалась губами к его губам. Мартин слегка захмелел от этого нового ощущения и стеснительно ответил на поцелуй. Девушка заинтересованно на него посмотрела:

– Ты еще ни с кем не целовался?

Он смущенно засопел.

– Не страшно, всегда приходит время, когда нужно начинать.

Всю ночь он не мог заснуть, вспоминая ее влажные губы. Он так шумно вздыхал, что Джей не выдержал и прикрикнул на него:

– Спи, ухажер! Завтра снова будешь дергать свою цыпочку за сиськи.

Наутро всем стало известно, что бакалейщик О’Донаван повесился прямо над кассой. Больше Мартин никогда не видел Мелиссу. После похорон отца они с матерью куда-то переехали. Парень смутно предполагал, что причиной самоубийства могла быть записка Маццола, принесенная им. Но он постарался избавиться от этой мысли, убеждая себя, что поводом для самоубийства бакалейщика могло послужить все, что угодно. Теперь на месте бакалейного магазина была букмекерская контора, и, проходя мимо, Мартин печально вздыхал, вспоминая золотые волосы веселой девчонки и ее звонкий смех.

ГЛАВА 3

– Сегодня идешь к брату? – гаркнул Джей.

Мартин потерял заложенное ухо:

– Не зря тебя зовут Граммофоном!

– Что?

– Иду, говорю.

Джей рассмеялся. Мартин расхохотался тоже, уж очень забавной показалась ему красная физиономия смеющегося Граммофона.

Уже четыре года он жил у Джея Коллуэна. За это время произошло много событий. Он вырос, возмужал, познакомился со многими людьми, пережил много приятных и неприятных моментов, испытал сладости первой влюбленности, много раз дрался, работал и чувствовал, как меняется внутренне. Да и невозможно было не измениться в том мире, в котором он жил, – в мире жестких мужчин, не прощающих ошибок и не дающих никому права на слабость.

По дороге в приют Мартин забежал к Мари Чейни, своей нынешней подруге. Договорившись с ней встретиться вечером, он выбежал на улицу. В лицо ему ударил резкий осенний ветер, но он не чувствовал холода. Мартин быстро шагнул по улице, не замечая, как за ним медленно едет черный автомобиль. Раздался звуковой сигнал, машина подъехала ближе, и из окна выглянуло красивое лицо Тони Сфорца. Мартин быстро забрался в машину.

– Уже десять минут еду за тобой, а ты даже не заметил, что за тобой следят, – сказал Тони.

– И что?

– Ничего. Просто будь внимательнее.

– Мне нечего бояться, – отрезал Мартин и внимательно осмотрел Тони.

Кремовая рубашка, галстук и темно-коричневый костюм. Слишком официально.

– Куда ты собрался?

– Дядя хочет, чтобы я присутствовал при одном важном разговоре. Он пытается ввести меня в дело.

– Волнуешься?

– Нет, – передернул плечами Тони. – Но там будет присутствовать сын Марио Бианчи. А он меня, мягко говоря, недолюбливает и старается, чтобы я принимал как можно меньшее участие в происходящем.

– С чего бы это?

– У нас с ним были небольшие стычки по поводу его поведения. С тех пор мы постоянно на ножах.

– Не понимаю, – Мартин глядел на встречные машины, – при чем тут ваши личные разногласия и дела семьи?

– Джимми Бианчи – наркоман и алкоголик. Он всех воспринимает как своих личных врагов. Но это неинтересно. Расскажи лучше, что мы будем делать вечером?

– Как и договаривались, идем в клуб.

– Возьмешь с собой Мари, или мне пригласить новеньких? – поинтересовался Тони.

Мартин на минуту задумался. Он вспомнил, что обещал провести вечер с Мари, но внезапно ему расхотелось с ней видиться, и он, ухмыльнувшись, сказал:

– Пригласи кого-нибудь.

– Господину хочется познакомить своего петушка с другими курочками? – рассмеялся Тони.

– Господин устал от постоянных отношений и хочет разнообразия.

– Ваши предпочтения, сэ-эр?

– Брюнетки, высокие, с большим бюстом! – хохотнул Мартин. – Приехали.

Машина остановилась у главных ворот приюта, где несколько лет тому назад безутешно рыдал Мартин. Он снова вспомнил причину, приведшую их с братом сюда, и руки его стали влажными от напряжения.

– Мартин, – голос Тони вытащил его из глубин ужасных воспоминаний. – В девять я буду у тебя.

– Постараюсь успеть. Мне еще нужно выполнить поручение Сальваторе.

Каждые две недели он приходил к брату, приносил ему сладости, одежду, игрушки. Первое время Роберт при виде его замирал от ужаса и ничего не говорил, оставаясь в оцепенении до окончания визита брата. Однажды Мартин принес альбом и краски и впервые за долгое время увидел улыбку на его лице. Тогда он поклялся, что никогда не заставит Роберта страдать и что мальчик получит от него столько любви и ласки, сколько не видел ни один ребенок во всем мире.

Мартин уже полчаса ждал в гостевой комнате, и когда брат наконец появился, с облегчением вздохнул. Он ненавидел ожидание.

– Привет, дружок.

Он взъерошил аккуратно уложенные волосы Роберта и всмотрелся в его серьезные глаза. Маленький двенадцатилетний мальчик с глазами взрослого человека. Почти мужчина, с удовлетворением отметил Мартин. Спокойный, уверенный в себе.

– Сестра Долорес сказала, что я стану известным художником! – гордо сказал Роберт. – Думаю, она права.

Мартин засмеялся, потому что это прозвучало абсолютно нескромно.

– Ты прекрасно рисуешь, – улыбнулся он и притянул брата к себе.

– Сестра Долорес говорит, что это от Бога. Если Боженька кого-то любит, он дарит ему какой-нибудь талант.

– Получается, из нас двоих Боженька любит только тебя?

Роберт смущенно отвел глаза.

– Боженька любит всех, но из нас двоих меня, конечно же, больше.

* * *

Быстрым шагом Мартин возвращался домой. Он посмотрел на часы: было без пятнадцати девять. До бара оставалось идти метров триста. Он увидел, что у входа стоит Джей и спорит с Генри Хэнди. Голос его разносился по всей округе, он что-то упорно доказывал Генри, но о чем шла речь, Мартин пока что не мог понять. Подъехал Тони, вальяжно вышел из своего «Мерседеса» и поздоровался с мужчинами. С другой стороны улицы к бару медленно приближалась серая машина. Вдруг Мартин заметил, что стекло в задней дверце опустилось и оттуда выглянуло черное дуло. Раздалась автоматная очередь, послышался звук разбивающегося стекла, и все трое мужчин, стоявшие у входа, спустя несколько секунд лежали на земле. Машина рванула вперед, и за закрывающимся стеклом Мартин успел заметить до боли знакомое лицо.

Не помня себя, он побежал вперед. Джей упал на бок, несколько пуль прошло насквозь через грудь, глаза его были открыты. Казалось, он с удивлением смотрит на Мартина. Мартин попытался прощупать у него пульс, но руки так тряслись, что он не мог найти нужное место.

– Сынок, он мертв, – раздался чей-то голос.

– Вызовите полицию и медиков! – выкрикнул Мартин. – Быстро! И дайте знать мистеру Маццола.

Один из парней побежал выполнять приказание. Мартин повернулся к Тони. Щегольской наряд превратился в изодранные клочья, изо рта его друга текла кровь. Мартин дотронулся до еще теплой руки.

– Тони, – прошептал он, уткнулся лбом ему в грудь и пролежал так до приезда полицейских.

Что творилось с ним в эти мгновения – никто не знал. Мартин и сам толком не понимал, что происходит. Хотелось рыдать, кричать, но он не мог выдавить из себя ни звука. Гнев и ярость переполняли его, душили, теснили дыхание... И это пугало. Он чувствовал, как щека его становится мокрой от крови, расплывавшейся по груди друга, и понимал, что все хорошее, что было в нем, ушло. Осталось лишь то существо, в которое он когда-то превратился, когда душил собственного отца. Все изменилось.

Никто из толпившихся рядом не посмел оторвать юношу от мертвого тела его друга. Только услышав сирену подъезжающих полицейских машин, Мартин поднял голову.

– Вы знакомы со всеми убитыми? – спросил у него старший детектив Гордон.

– Да, сэр, – ответил Мартин.

Они сидели в пустом баре, снаружи работали полицейские, опрашивая свидетелей, медики убрали трупы, а детектив Гордон, воняющий потом, уже минут сорок расспрашивал Мартина о произошедшем.

– Значит, вы видели только серую машину, из которой стреляли, – он недоверчиво посмотрел на него и что-то черкнул в своем блокноте. – Вы заметили номерные знаки?

Мартин отрицательно покачал головой.

– А сидевших внутри людей рассмотрели?

– Нет!

Гордон невозмутимо продолжал:

– Вы знали, что Энтони Сфорца приходится племянником Сальваторе Маццола, входящего в клан Бианчи?

– Тони Сфорца был моим другом, – вспылил Мартин. – И мне плевать, чей он племянник!

В дверях показался Маццола, лицо его было бледным. Не обращая внимания на детектива, он подошел к Мартину и спросил:

– Ты как, сынок?

Мартин ничего не ответил, тогда Маццола повернулся к Гордону, который окончательно взмок и еще больше развонялся.

– Сэр, вы не будете против, если мы продолжим разговор завтра? Парень...

– Нет, – жестко оборвал его Мартин, – закончим сегодня. Я в порядке.

* * *

Ночью, уставившись в потолок, Мартин думал, где же он мог видеть парня, сидевшего в машине. Он перебирал в памяти всех знакомых, но ничто не приходило на ум. Только под утро он догадался, где встречал это лицо. Весь следующий день он готовился навестить этого человека. Достал из тайника револьвер, наточил нож, нашел старые перчатки Джея и к десяти часам подъехал к бару Стэна Корри, где предполагал встретить убийцу. Было холодно, зубы отбивали чечетку, но он терпеливо сидел на стоянке, неподалеку от серого «Бьюика», и молил бога, чтобы этот человек вышел на улицу один. В двенадцать ночи пьяный парень вывалился из дверей бара и неровной походкой направился к своей машине. Один.

Мартин поднялся.

– Здравствуй, Дайон, – прохрипел он.

Парень вытаращил на него глаза.

– Я – Мартин, друг Тони Сфорца.

– А-а, – протянул Дайон, он был сильно пьян, но все же сообразил, почему перед ним стоит этот юноша, и спокойно огляделся вокруг. – Слышал, что с ним случилась беда.

– Ах, ты слышал?!

Мартин мгновенно подлетел к нему, воткнул нож в плечо и нанес оглушительный удар кулаком по голове, отключив противника на несколько минут. Дайон упал на землю. Мартин пошарил в карманах его пиджака и достал ключи от машины. С трудом затащив бессознательное тело на заднее сиденье, он прыгнул за руль и, проехав два квартала, остановился в безлюдном месте. Затем вытащил Дайона из машины и бросил на землю. Тот стал медленно приходить в себя. Полностью очнувшись, он увидел перед собой Мартина, державшего в руках револьвер. Плечо горело, в нем все еще торчал нож.

– Говори, – спокойно сказал Мартин.

– Я ничего не знаю!.. – завыл раненый.

Мартин нагнулся и повернул нож против часовой стрелки. Дайон закричал от боли, но сознания не потерял. Он с отчаянием глядел на Мартина, зная, что, если он ничего не скажет, – умрет, если скажет – тоже умрет, но гораздо быстрее.

– Джимми Бианчи... – прохрипел он и тотчас замолчал, потому что во лбу его уже красовалась маленькая дырка.

Мартин сел в машину и понесся к дому Бианчи. Тот жил на Лейк-Шор-Драйв, в современном многоэтажном здании. Припарковав машину недалеко от дома, Мартин посмотрел на окна верхнего этажа. Они не светились. Двенадцать сорок. «Джимми никогда не появляется дома так рано», – подумал он и вновь принялся ждать.

В три пятнадцать к парадному входу подкатил спортивный «Мерседес». Дверца открылась, и Джимми вышел из машины. Он был пьян, весел и не подозревал, что жить ему осталось несколько мгновений. Мартин бесшумно подкрался к нему сзади и всадил нож в горло Джимми. Джимми смешно дернулся, как будто к его телу были привязаны нити, которыми кто-то управлял, и упал на землю. Мартин посмотрел на нож. С лезвия крупными каплями падала на асфальт кровь. Тогда он бросил нож рядом с телом и, приподняв воротник пиджака, прикрываясь от холодного ветра, направился к «Бьюику».

Дома он долго стоял под холодным душем, пытаясь разобраться в том, что творится в его душе. Страх не было, и ярости тоже. Он не задумывался над моральной стороной того, что совершил. Он давно переступил порог дозволенного, убив отца. Страшнее того, что он уже сделал когда-то, не могло быть ничего. В душе его была лишь пустота, которую ничем нельзя было заполнить.

* * *

– Что ты решил насчет бара? – спросил его Маццола через неделю после похорон Джея и Тони.

У Джея не было семьи, только Мартин. Вернее, Мартин и был его семьей. Еще год тому назад он написал завещание в пользу парня, привнесшего смысл в его одинокую жизнь, и теперь перед Марином стояла проблема, как распорядиться полученным наследством.

Мартин огляделся. Все было чужим без старика Граммофона и хвастуна Тони.

– Продам, – сказал он и зажег спичку.

Они молча курили, и никто не хотел продолжать разговор.

– Как ты, Мартин? – произнес Маццола, но в голосе его слышалось безразличие.

Мартин даже не потрудился ответить.

– Куда переедешь?

– В Нью-Йорк.

– Когда устроишься, сообщи адрес.

Мартин кивнул.

– Жаль, что этих тварей нельзя наказать! – Маццола с остервенением затушил сигарету.

– Мы в расчете, – спокойно произнес Мартин и налил себе виски.

- И кто?.. – глаза Маццола заблестели.
- Джимми Бианчи.
- Так это ты его...

Маццола замолчал. Он пристально взгляделся в лицо парня, сидевшего напротив него. Как он мог так чисто и аккуратно сработать? Главное, что никто и не заподозрил Мартина в убийстве сына Марио Бианчи! Старик писает кипятком от злости, понимая, что никогда он не найдет того, кто перерезал глотку его мальчику.

- Сколько тебе лет?
- Восемнадцать.

Мартин спокойно выдержал взгляд Маццола, ничто не колыхнулось у него в душе.

- Будешь работать на меня?
- Нет, мистер Маццола. – Мартин на секунду замолчал. – Но я всегда смогу вам помочь.

ГЛАВА 4

Мартин сидел в уютной столовой и пил утренний кофе. Он только что вышел из душа, волосы его были еще мокрыми, а кожа источала легкий аромат лаванды. В руках он держал утренний выпуск «Нью-Йорк таймс», на первой странице которого огромными буквами было написано: «Убит известный чикагский мафиози Марио Бианчи». Он пробежал глазами по статье и, ухмыльнувшись, бросил газету на стол. Сальваторе Маццола теперь возглавит дело. Он хорошо заплатил ему, Мартину, за предоставленную возможность проявить себя в роли руководителя.

Мартин прошел в большую светлую спальню. Остановившись перед зеркалом, пригладил начинавшие сесть волосы. «Такими темпами к сорока годам я стану совершенно седым», – подумал он и взглянул в свое отражение. Худошав, но жилист. Прекрасная осанка, за счет чего он казался выше своего роста. Ни капли жира. В общем, неплохо для тридцати лет. Он провел пальцами по лицу. Твердая, теплая кожа – и ни одной морщинки. Серые холодные глаза, в которых постоянно сквозила ирония. Прямой, немного широковатый нос, несколько не портивший общий вид. Если рассматривать каждую деталь лица в отдельности, то они могли бы показаться слишком крупными и грубыми, но вместе они удачно гармонировали друг с другом, создавая ореол пиратского лихачества и некой элегантности.

На кровати спала женщина, легкое одеяло едва прикрывало ее обнаженное тело. Мартин присел рядом.

– Мэгги, – потеревил он ее мягкий локон. – Тебе пора.

– Я просто бешусь от того, что мне приходится уходить каждое утро ровно в девять, – она сбросила с себя одеяло и выпрыгнула из постели.

Мартин посмотрел на ее великолепно сложенную фигуру, блестящие рыжие волосы и подумал, что она прекрасно подходит к атмосфере, царящей в этой комнате.

– Ты здорово вписываешься в интерьер, – сказал он и вовремя увернулся от полетевшей в него подушки.

– Между прочим, я не вещь, которая должна радовать глаз лишь своим удачным месторасположением в комнате! – гневно воскликнула Мэгги и отвернулась.

Она возбудила его своей наготой. Он близко подошел к ней и кончиками пальцев дотронулся до ее стройной спины, мягко перевел руки на упругую грудь и резко толкнул девушку на кровать.

– И кто же ты? – спросил он, склонившись над ней.

Жадные губы быстро пробежали по его шее.

– Всего лишь женщина, которая любит...

Позже, уже одетая, она сидела перед трюмо и расчесывала волосы.

– Почему ты не берешь меня с собой в Калифорнию? – спросила она.

Мартин завязывал галстук. Помолчав, он ответил:

– Потому что я не хочу, чтобы ты ехала со мной.

Мэг задохнулась от столь откровенного ответа.

– Бессовестное чудовище! – крикнула она. – Мог бы и соврать!

Мартин усмехнулся: похоже, женщинам всегда нужно лгать. Он поцеловал разъяренную Мэг в лоб и сказал:

– У тебя репетиции, тебе нельзя отрываться от работы.

– Но ведь это же свадьба твоего брата! – подбородок ее задрожал от обиды. – Я хочу познакомиться с ним и с его невестой.

– Мэг, такси ждет.

Она пошла к выходу, но на пороге остановилась и гордо произнесла:

– В следующую пятницу у меня премьера спектакля! И я тебя приглашаю.

* * *

После гибели Тони и Джея Мартин приехал в Нью-Йорк и снял небольшую квартирку в Бронксе. В ней было две комнаты, маленькая кухня и санузел. Телефон имелся на первом этаже, и дотошный привратник записывал все поступающие звонки, а за определенную плату разрешал жильцам пользоваться аппаратом. Первые две недели Мартин провел в одиночестве, лишь изредка он выходил на улицу, чтобы проветриться и купить продукты. Денег у него было достаточно. Маццола купил у него бар за сумму, вдвое превосходившую его настоящую стоимость. Кроме того, у Мартина имелся свой счет, на который покойный Граммофон ежемесячно клал некоторую сумму денег. Обладая стартовым капиталом и проницательным умом, Мартин мог бы построить свое маленькое дело и получать небольшой, но постоянный доход. Однако этого ему было мало. Раньше, живя с Джем, он не задумывался о будущем. Но сейчас все изменилось. Он хотел перевезти в Нью-Йорк Роберта и устроить его в приличную школу. Да и для себя Мартин много желал. К тому же он чувствовал злость, скопившуюся в его душе, и она терзала его. Он хотел найти какой-то выход для нее, выплеснуть ее из себя, но не знал, как это сделать.

Трудно поверить, что человек может измениться в такой короткий срок. Как добродушный и терпеливый мальчишка в один момент превратился в жестокое и беспринципное существо? На самом деле, таким он стал уже давно. Бедность, побои отца и унижения сделали свое дело. Лишь беспредельная любовь матери, слепая доверчивость брата, скуповатая привязанность Джея и бескорыстная дружба Тони удерживали его на «правильной» стороне. Но, убив отца, пережив гибель трех самых близких для себя людей, Мартин открыл заслон, выпустив наружу того, кем он являлся на самом деле. Не было больше никаких сдерживающих факторов. Был только он, его боль и ярость. Он никогда не пожалел о том, что совершил, и никогда не пожалеет о том, что сделает когда-либо. Ему не было жаль себя, как и окружавших его людей. Он не боялся наказания свыше, так как в Бога не верил. Но если он есть, то там, после смерти, наверняка они не встретятся, потому что ему уже забронировано место совсем в другой части «поезда».

Спустя месяц позвонил Маццола и сообщил, что он приезжает в Нью-Йорк. Они договорились встретиться в Баттери-парке. По дороге Мартин думал о том, как вести разговор. Он предполагал, о чем пойдет речь, и мысленно строил ход беседы.

Сальваторе Маццола был одет в простую коричневую куртку и черные брюки и ничем не выделялся из толпы. Он держал в руках маленькую коробку. Мартин на мгновение растерялся, и все заготовленные слова вылетели у него из головы.

Маццола протянул ему руку.

– Ты изменился.

– Правда? – спросил Мартин, всем видом своим показывая, что не желает тратить время на бесполезные разговоры.

– Да, – пробормотал Маццола, – действительно изменился. Здесь оружие, – он указал на коробку, – чистое. Выбросишь, когда используешь.

Мартин кивнул.

– В следующий раз за «железом» обратишься вот по этому адресу, – Маццола протянул ему бумажку, и Мартин спрятал ее в карман. – Потом, если захочешь, найдешь собственных поставщиков. Купи себе абонентский ящик на почте. Проверяй его ежедневно. Общаться будем через него. Деньги переведу на твой счет после результата.

Мартин прищурил глаза. «Подстраховывается», – подумал он.

– В следующий раз половину суммы вы переведете до, остальную – после сделанной работы.

Маццола улыбнулся:

– Хорошо. Вот имя и фото. Срок – три недели.

Все. Круг замкнулся. Мартин мгновение помедлил, словно стараясь избежать того, к чему шел, и взял конверт в руки.

Дома он разложил бумаги на кровати и долго изучал их. Чарльз Гордон. Место работы – мэрия, должность – экономист. Зачем он им? Мелкая сошка. Но потом Мартин решил, что это не его дело. Однако его интересовало, почему Маццола не воспользовался услугами профессионала? Мартин – новичок, его никто не знает в городе, он не представляет чьих-либо интересов, у него нет связей. Это плюс. А минус в том, что у него нет опыта. Но всегда приходит время, когда нужно начинать. Кто это сказал? Он уже не помнил. Он закрыл дверь в прошлое. И больше никогда ее не откроет.

Мартин следил за Чарльзом Гордоном две недели. Невысокий, неприметный. Работает до семи вечера. Ужинает дома. Во вторник и пятницу встречается с симпатичной брюнеткой, живущей в Бруклине, в многоэтажном доме, на восьмом этаже. Задерживается у нее на два часа, затем уходит.

На третью неделю во вторник Мартин уже стоял между восьмым и девятым этажом. Девять часов. Гордон только что вошел внутрь. Мартин знал, что он всегда спускается пешком, и поэтому тихо стоял в углу, ожидая его появления. Хлопнула дверь, послышались шаги. Мартин тихо подошел сзади, вынул пистолет, приставил его к голове мужчины и выстрелил два раза. Затем бросил оружие рядом с трупом и продолжил спускаться по лестнице. Он даже не посмотрел на убитого, только услышал, как упало тело. Мартин вышел на улицу. Ветра не было, в воздухе стояла морозная свежесть. Захотелось есть. Пройдя двести метров, он свернул в первое попавшееся кафе и, уже заканчивая ужин, услышал вой полицейских сирен.

Через пять лет он начал работать не только на Маццола. Мартин не придерживался ни одной какой-либо группировки и не входил ни в одну организацию. Он сам себе был организацией, и все нуждающиеся в его услугах знали об этом. Он выполнял наиболее сложные дела, когда нужно было убрать известного и влиятельного человека, и делал все чисто. При этом мало кто знал, как он выглядит, потому что с заказчиками он никогда не работал напрямую, предпочитая использовать абонентский ящик, который завел когда-то по рекомендации Маццола. У него не было собственного почерка. Убирая клиентов разными способами, Мартин исключал возможность провести какую-либо параллель между этими убийствами. Создавалось такое впечатление, что все это делали абсолютно разные люди. Ему никогда не приходило в голову, что он ничем не отличается от тех, кто когда-то убил Тони и Джея. Он не сравнивал себя с Джимми Бианчи. Нет, Джимми убил из мести, в личных целях. Мартин же убивал из-за денег, это была его работа. Он смотрел на тех, кого заказали, как на товар и никогда не позволял себе испытывать жалость к ним.

В течение последующих нескольких лет он собрал собственную команду профессиональных убийц и осведомителей. Мартин не был главарем мафии, он не продавал оружие и наркотики, не контролировал проституцию – он торговал людьми, их жизнями, их состояниями. Он продавал информацию о людях, убивал тех, кого необходимо было убрать, но теперь делал это руками своих подчиненных. Он был боссом, хозяином организации, пусть небольшой, но весьма влиятельной и могущественной. Порою Мартин чувствовал себя богом, который без права выбора устанавливает кому-то жизненный предел, и это веселило его. Но больше всего смешил тот факт, что в этом мире все продается – и нет ничего, что нельзя было бы купить или продать.

* * *

Как-то вечером Мартин в приподнятом настроении возвращался домой от своей подружки и увидел толпу подростков, жестоко избивавших какого-то паренька. Он решил не вмешиваться и уже собрался было пройти мимо, как вдруг резко остановился. Лицо мальчишки показалось ему знакомым.

– Эй, я вызываю полицию! – крикнул Мартин и увидел, как подростки мгновенно разбежались. – Ты как? – подошел он к мальчику.

Тот был без сознания. На углу находился какой-то магазин, откуда Мартин по телефону вызвал «Скорую помощь» и бегом вернулся к мальчишке. «Совсем как Роберт, – подумал он, – может, немного старше». Он похлопал его по щекам, но паренек не отреагировал. По указанию медиков, ему пришлось сесть в машину и сопровождать мальчика до больницы. Мартин уже пожалел о том, что вмешался в драку, потому что эта ситуация принесла ему ненужные хлопоты. Вместо тихого вечера в своей уютной квартире он вынужден решать проблемы какого-то глупого мальчишки!

– Сломаны обе ноги, левая в двух местах, – сказал врач в больнице. – К тому же у него сотрясение мозга.

– Сколько он здесь пробудет?

– Месяца три, не меньше. У мальчика есть страховка?

– Не знаю, – холодно ответил Мартин, – но я заплачу за лечение.

– Куда присылать счета?

Мартин назвал адрес.

– Он пришел в себя?

– Да, можете к нему пройти.

Мартин тихо открыл дверь в палату. Голубые стены, стул, кровать и тумбочка. «Не густо для такой дорогой больницы, как эта», – подумал он. Мальчик лежал, закрыв глаза, обе его ноги были в гипсе, одна висела на вытяжке. Пахло нашатырем, и Мартин невольно зажал нос.

– Что, воняет? – вдруг спросил мальчик. – А я уже привык.

Мартин улыбнулся этому шутливому тону. Стойкий! Он подвинул стул к кровати и присел.

– Меня зовут Раф, – улыбнулся в ответ мальчишка, – вы меня не помните? Мы виделись с вами пару раз.

Мартин напряг память.

– В Бронксе, – уточнил Раф.

– А-а, – Мартин наконец вспомнил, – девочки, оружие... Ты действительно всем этим занимаешься?

– Нет, конечно, – улыбнулся мальчишка. – Если какой-нибудь тупица клюет, я беру деньги и делаю ноги.

– Смышлёный!

– Как оказалось, нет, – вздохнул Раф.

Мартин не знал, что ответить. Ему было жаль паренька, но ни за что людям ноги не ломают.

– Что ж, – поднялся он, – мне пора.

– Вы еще придете? – надежда прозвучала в голосе паренька.

– Зови меня Мартин. Конечно, приду.

Рафаэль был добрым и отзывчивым пареньком. Глядя на него, Мартин вспоминал себя, вернее, того юношу, каким он был когда-то. Но, в отличие от него, Рафаэль не был злобным и жестоким. Даже к тем, кто его избил, он не испытывал ненависти. Мартин же не понимал,

как можно с подобным спокойствием относиться к людям, превратившим парня в инвалида. Он предлагал наказать обидчиков, но Рафаэль отказывался. «Просто так мне не накостыляли бы, – говорил он, – я же их на большие бабки нагрел». Мартин усмехался в ответ на эти слова. Четыре месяца в гипсе, несколько перенесенных операций – вот он, результат погони за «легкими» деньгами. Кости на ногах срослись неровно и совсем перестали расти, навсегда превратив Рафаэля в смешного коротышку. Однако это не озлобило его. Смеясь, он говорил, что того, кому бог дал высокий рост, он обделил кое-чем другим. И чаще всего мозгами.

У Рафаэля не было семьи, которая могла бы ухаживать за ним, и поэтому Мартин оплачивал лечение, а потом поселил его у себя дома. К этому времени Роберт уехал в Беркли, так что Раф занял его комнату и казался самым счастливым человеком в мире.

ГЛАВА 5

Мартин Хаксли купил себе новую жизнь, новый дом на Лонг-Айленде, вкладывал деньги в акции и был в глазах общества состоятельным, порядочным человеком, не имеющим проблем с законом. Он гордился тем, что Роберт учился в колледже, как хотела мама. Брат никогда не нуждался в деньгах, у него было все, чего не было у Мартина в его возрасте. Машина, квартира, деньги на развлечения. Мартин окружил его заботой и делал все, чтобы Роберт не узнал о настоящем положении вещей. О смерти родителей они больше никогда не говорили, как будто эти воспоминания стерлись из памяти обоих. Роберт был веселым, спокойным и добрым молодым человеком, и Мартин делал все, чтобы он таким и оставался.

– Я предложил Марии выйти за меня замуж, – сказал как-то Роберт.

Мартин поставил стакан на маленький столик. В комнате горел камин, и он не понимал, отчего пылает его лицо – то ли от жара, исходящего от огня, то ли оттого, что Роберт стал мужчиной.

– Но ведь мы ее даже не видели! – воскликнул Раф.

– Я пригласил Марию к нам в гости, – улыбнулся Роберт, – она придет в выходные.

– Ничего себе дела творятся! – присвистнул Рафаэль. – Не успел к девчонке в трусы залезть, как она уже его под венец тащит.

– Раф, между прочим, ты говоришь о моей будущей жене.

Мартин молчал, только напряженно вглядывался в лицо младшего брата. Темноволос, высок, красив, богат. К тому же неопытен. Насколько он знал, Мария была первой и единственной девушкой, с которой он встречался. Из рассказов брата, она была девочкой скромной, происходила из хорошей семьи. Хотя такому доверчивому человеку, как Роберт, можно было врать не краснея, он во все поверит.

– Хорошо, что пригласил ее, – наконец сказал Мартин. – Кто ее родители?

– Мать – океанограф, отец – управляющий в отеле.

– Радует, – вставил Рафаэль, – что птичка не бедна. Значит, она за тебя хочет замуж по любви, а не за деньги.

Роберт укоризненно взглянул на Рафа, подошел к камину и пошевелил тлеющие поленья.

– Мне все равно, есть у нее деньги или нет.

– А другим не все равно.

– Не суди обо всех по себе, – парировал Роберт.

Мартин с улыбкой слушал эту перепалку и думал о том, где лучше устроить свадьбу.

Девушка оказалась в точности такой, какой ее описывал Роберт. Смуглая, черноглазая и веселая. Мартин был доволен выбором брата. Свадьбу решили отпраздновать в Лос-Анджелесе, и в качестве свадебного подарка молодые получили небольшой, но очень красивый домик недалеко от бухты Сан-Педро. Было приглашено множество гостей, в основном друзья Роберта и Марии. Счастливые молодожены уехали в свадебное путешествие на Бали, Рафаэль остался в Калифорнии, чтобы продолжить веселый загул, а Мартин в одиночестве вернулся в Нью-Йорк.

В день премьеры спектакля он купил для Мэгги кольцо с изумрудами от Гарри Уинстона. «Прощальный подарок», – подумал он. Он был щедрым с любовницами, а когда решал, что пришло время расстаться, дарил им особо дорогой подарок. Он всегда уходил от женщин сам, и ни одна дамочка не могла бы похвастаться тем, что она первая бросила Мартина Хаксли.

В тот вечер очарованная подарком Мэгги одарила его страстным поцелуем и пригласила отпраздновать удачную премьеру в кафе «Себастьян». С усмешкой на губах Мартин рассматривал людей, находившихся в зале. Красивые и ухоженные, похоже, никакими насущными заботами не обремененные, в чем-то легкомысленные, слишком эмоциональные, они казались ему глупыми куклами. Взгляд его легко скользил по лощеным лицам мужчин, накрашенным

губам женщин и вдруг остановился на чьей-то крайне соблазнительной груди. Обладательница великолепного бюста усмехнулась, увидев, куда он смотрит. Мэгги куда-то отлучилась, поэтому Мартин спокойно подошел к заинтересовавшей его даме.

– Мартин Хаксли, – представился он.

– Ирэн ле Руж, – женщина протянула руку, голос ее был низким и приятным на слух.

– Ирэн Роза?

– Вообще-то, меня зовут Ирина Калинина, – она рассмеялась. – Но я подумала, что начинающей певице мюзик-холла нужно иметь звучное имя. Так появилась на свет божий Ирэн ле Руж. А вы? Чем вы занимаетесь? Тоже поете?

– Если вы хотите знать, бездельник я или нет, – в тон ей продолжил Мартин, – отвечу: нет, я не пою. Я торговец.

Она нахально улыбнулась:

– И что же вы делаете в обществе поющих и играющих бездельников?

– Я здесь с подругой.

– Тогда что вам нужно от меня?

Мартин от души расхохотался, потому что ему впервые так открыто задали подобный вопрос.

– Все зависит от того, чего вы от меня ожидаете, – он приподнял бровь.

– Подарите мне такое же кольцо, как у Мэгги Ланкастер, – усмехнулась она, явно ожидая, что он немедленно ретируется.

– В таком случае скажите мне ваш адрес. Я заеду за вами завтра в девять, чтобы отпраздновать.

– Отпраздновать что? – не поняла она.

– Ваш подарок.

* * *

– Мэг, сука, постоянно третирует меня. – Ирэн со злостью бросила сумочку на пол. – Ненавижу ее!

Мартин читал газету, удобно устроившись в кресле.

– Мэг ревнует, – сказал он. – Когда она успокоится, все наладится.

Она присела рядом с ним и забрала газету.

– Может, съездим куда-нибудь отдохнуть? Я так устала от Нью-Йорка. – Ирэн поцеловала его и легко прикусила губу. – Если ты не увезешь меня, я тебя брошу!

Мартин приходил в восторг от ее вспыльчивого темперамента. Порою он не мог заставить себя уйти от нее, а когда уходил, не мог избавиться от мыслей о ней. Иногда Ирэн пропадала на сутки, тогда он мучился в ожидании новой встречи и боялся, что она больше не вернется.

Ирэн была капризной и наглой, она могла остановиться у витрины магазина, заметив понравившуюся ей вещь, и потребовать, чтобы ее немедленно купили. Глупый ребенок, улыбался он и удовлетворял все ее желания. Она терпеть не могла Рафаэля, и тот отвечал ей взаимностью. Желая избавить Мартина от переживаний, Раф исчезал из дома, когда появлялась Ирэн. Но он по-детски ей пакостил: прятал ее обувь, духи, а когда Ирэн искала пропажу, громко возмущался ее бестолковостью.

Мартин знал, что Ирэн не любит его, но это не могло изменить то, что он чувствовал к ней. Он был влюблен, влюблен страстно и глубоко. У него всегда было много женщин, но он никого так не любил, как эту корыстную нахалку. Он знал, что ничто не завораживает женщину больше, чем роскошь, поэтому показал Ирэн, где находится сейф, и сказал, что она может брать оттуда столько денег, сколько ей понадобится.

– Ого! – присвистнула Ирэн, заглянув внутрь. – Здесь же целое состояние! – Она взяла одну пачку банкнот в руки и зажмурилась. – Манто, я хочу соболиное манто, – промурлыкала она.

– Все, что захочешь, – Мартин обнял ее.

Ирэн резко повернулась и удивленно заглянула ему в глаза:

– Разве торговцы недвижимостью так много зарабатывают?

– Не все, но такие, как я, – да.

Мартин никогда не говорил ей о том, чем он занимается. Если бы Ирэн обо всем узнала, пришлось бы от нее избавиться, а он и мысли не допускал, что она может исчезнуть из его жизни. Бывало, он уезжал на неделю или более, но она думала, что он занимается покупкой или продажей очередного дома. Вместе с ним уезжал Рафаэль, и Ирэн оставалась одна в пустом особняке, с удовольствием бродя по его многочисленным комнатам. Мартин был загадкой для нее, и она с любопытством кошки пыталась найти хоть что-нибудь, что помогло бы ей приоткрыть завесу, скрывавшую его таинственное прошлое. Он никогда не рассказывал ей о своем детстве, не вспоминал родителей, зато часами мог говорить о своем брате Роберте и его жене Марии.

– Может, мы съездим к ним в гости? – спрашивала она, ласково к нему прижимаясь.

– Непременно, – обещал он.

Мартин смеялся, нежно поглаживая ее худенькую спину. Он любил трогать ее тонкие пальцы, целовать мягкие жадные губы. Он восхищался ее изящным, гибким телом, ее страстью и неумной жадой жизни.

Будучи дочерью небогатых русских эмигрантов, она не могла позволить себе то, что имели ее сверстницы. В девятнадцать лет Ирэн приехала в Нью-Йорк в надежде стать знаменитой певицей мюзик-холла, но после неудачных попыток пробиться на большую сцену вынуждена была довольствоваться небольшими ролями в малоизвестных постановках. Встреча с Мартином открыла ей новые горизонты в жизни. Он многое давал ей, и все же она не любила его, потому что уже отдала свое сердце другому.

* * *

– Не понимаю, как ты решилась забеременеть? Это так портит фигуру! – Ирэн округлила глаза и в недоумении уставилась на Марию. – Не знаю, захочу ли я когда-нибудь иметь детей.

Они лежали в тени на террасе и лениво наблюдали, как плывут по воде баржи и корабли, заходя в бухту Сан-Педро. Мария доживала последний месяц, она немного поправилась и была счастлива.

– Мне кажется, каждая женщина желает быть матерью, – черные глаза Марии засветились. – Это прекрасное ощущение!

Она тяжело поднялась с шезлонга и подошла к столику, на котором стоял запотевший графин с лимонадом. Разлив напиток по стаканам, она протянула один Ирэн и произнесла:

– Я считаю, что Мартин будет хорошим отцом. Да и ты, несмотря на свою эмансипированную натуру, станешь прекрасной матерью.

Ирэн отвернулась, она не могла сказать Марии, что у нее задержка. Поэтому девушка мучилась от страха, пытаясь решить, что ей делать с ребенком, так как знала, что Мартин не был его отцом. Ирония судьбы! Тот, кого она не любила, готов был весь мир положить к ее ногам. Другой же, которому она отдала всю свою любовь, не мог подарить ей и булавки. Михаил Нилов был таким же русским неудачником, как и она. Он тоже приехал в Нью-Йорк с целью стать знаменитым, а в итоге работал в театре обыкновенным подсобником, подрабатывал официантом и перебивался на сущие гроши. После того как Мартин позволил Ирэн пользоваться деньгами из его сейфа, она сняла для Михаила квартиру, где они встречались втайне

от всех. Каждый раз, идя к нему, Ирэн тряслась от страха, что Мартин обо всем узнает. Но тот, казалось, даже не мог предположить, что ему изменяют. Самомнение порой играет с человеком злую шутку. Чересчур уверенный в себе Мартин не догадывался, что он стал обычным рогоносцем. Мало того что он делит свои деньги с мужчиной, который к тому же спит с его любимой женщиной, так она еще и носит в себе чужого ребенка! Мартин никогда не простит, если узнает. Ирэн запуталась. Ее сердце рвалось к Михаилу, а трезвый расчет подсказывал, что необходимо оставаться с Мартином.

Нахмурившись, она смотрела вдаль, а Мария обеспокоенно поглядывала на нее. Когда на террасу вышли мужчины, Мария с радостью вздохнула. Роберт улыбнулся ей, и она вдруг отчетливо поняла, что является самой счастливой женщиной в мире.

– Что случилось, дорогая? – Мартин погладил Ирэн по голове.

– Все в порядке, – пробормотала она. – Сегодня жарче, чем всегда, и я себя нехорошо чувствую.

Он дотронулся до ее подбородка, заставляя поднять голову и посмотреть ему в глаза. Ирэн уже справилась с эмоциями и внешне была очень спокойна. Серые глаза казались огромными, тонкая кожа, слегка позолоченная солнцем, мягко блестела, губы, все еще припухшие после страстной ночи, притягивали к себе.

– Я хотел сделать это позже, но не в силах больше терпеть, – Мартин достал из кармана брюк маленькую коробочку и протянул ее Ирэн.

Сердце ее взволнованно застучало: она знала, что там, внутри.

– Выходи за меня замуж!

«О господи, почему сейчас?! Я не хочу!» Глаза ее наполнились слезами, и она расплакалась. Мартин недоуменно посмотрел на брата и невестку. Впервые он предложил женщине стать его женой и не знал, как реагировать на слезы Ирэн. Он умоляюще посмотрел на Марию, прося ее объяснений и помощи. Та весело кивнула, и глаза ее говорили, что нет причин для беспокойства – это слезы счастья. Ирэн подняла голову, быстро вытерла мокрые от слез щеки, достала кольцо из коробочки и надела себе его на безымянный палец.

Рафаэль куда-то исчез, но через мгновение вернулся с бутылкой шампанского. С опытом старого официанта он разлил пенящийся напиток по бокалам и торжественно произнес:

– За Мартина и Ирэн!

А про себя подумал: «За хитрую стерву и влюбленного идиота!»

* * *

– Я не хочу больше делить тебя с ним! – воскликнул Михаил, глядя, как она одевается. – Ты не представляешь, что творится в моей душе, когда я представляю вас вместе.

Ирэн с горечью посмотрела на него. Она нежно дотронулась до его груди, пытаясь успокоить, но он увидел кольцо и схватил ее за руку.

– Что это? Ты выходишь за него замуж?!

– Я беременна.

– О боже! – прошептал он и закрыл лицо руками.

– Это твой ребенок.

Надежда загорелась в его глазах:

– Значит, ты уйдешь от него?

Он натянул брюки, присел перед ней на корточки и возбужденно заговорил:

– Ирэн, зачем тебе все это? Эти безделушки, – он коснулся прекрасного жемчужного ожерелья у нее на шее, недавно подаренного ей Мартином. – Это не самое главное! У нас есть мы и наш ребенок. Давай уедем, умоляю тебя!

– А на что мы будем жить?!

– Я буду работать. В конце концов, ты продашь свои стекляшки...

Он смотрел, как Ирэн медленно надевает туфли. Она была растерянна и испуганна.

– Я не хочу, чтобы мой ребенок рос в бедности, – наконец сказала она.

Он в изумлении уставился на нее:

– Ты хочешь, чтобы нашего ребенка воспитывал чужой мужчина? Ты должна поговорить с Хаксли.

Ирэн устало потерла лоб пальцами.

– Его нет. Он в Лондоне, по работе. А потом мы должны лететь в Калифорнию.

Три недели назад Мария родила мальчика. Счастливые родители настойчиво звали ее к себе в гости, чтобы познакомить с сыном, которого они называли Габриэлем. Ирэн с ужасом думала, что скоро наступит время, когда ее живот округлится и станет заметен всем. Что она скажет Мартину? Конечно же, она ни за что не признается, что носит ребенка от другого.

– Предупреждаю, если ты вернешься к Хаксли, сегодняшняя наша встреча будет последней.

Ее глаза наполнились слезами, она вскочила и судорожно обняла его:

– Миша, прошу тебя, не бросай меня. Пожалуйста, любимый!

* * *

Приехав домой, Ирэн испугалась царившей там тишины. Она включила музыку погромче, чтобы не чувствовать себя такой одинокой, и прошла в спальню. Дорогие ковры, огромная кровать, богатая обстановка... Ирэн зажмурилась, потому что перед ее глазами появилась убогая квартира Михаила; потом она подошла к трюмо и стала перебирать свои драгоценности. Зачем они нужны, если рядом нет любимого? Она схватила пузырек с духами и с яростью швырнула его в стену. Маленькими осколками бутылочка разлетелась по спальне, оставив нежно-розовое пятно на стене. По комнате медленно поплыл запах розы и жасмина. Ирэн разрыдалась. Она не сможет жить без всего этого, без косметики, без дорогих нарядов. Но она также не сможет жить без Михаила! Вдруг ее рыдания прекратились, она быстро поднялась с места, влетела в кабинет Мартина и остановилась перед сейфом. Двести десять тысяч, пересчитала Ирэн деньги. Можно купить небольшой домик где-нибудь у моря. Она, Михаил и их ребенок...

Ирэн схватила саквояж и стала быстро перекладывать в него деньги. Затем вернулась в свою комнату, достала два больших чемодана и разложила их на постели. Открыла шкаф и вынула свою одежду. Аккуратно все упаковав, она убрала в саквояж драгоценности и паспорт, подошла к телефону и вызвала такси.

* * *

Мартин вернулся из Лондона на два дня раньше, чем предполагал. Он никогда не звонил Ирэн из своих поездок и сейчас не догадывался, что дом встретит его холодным безмолвием. Радостный, он вошел внутрь, с удовольствием проследил, как шофер поставил на пол огромное количество коробок – подарки для его племянника и любимой, – и прокричал:

– Ирэн, я дома!

Никто ему не ответил. Мартин прошел в их общую комнату и со вздохом развязал галстук. Взгляд его остановился на трюмо, обычно заставленном флакончиками духов, помадой и прочей косметикой. Ничего этого не было, как и ларчика с драгоценностями. В глубине души что-то беспокойно зашевелилось. Он подошел к шкафу: тот тоже был пуст. «Что за черт?!» – недоумевал он. Затем позвонил Рафаэлю, с которым они только что расстались в аэропорту – Рафу надо было еще куда-то заехать.

– Может, ее похитили?.. – глупо спросил Мартин.

Он боялся подумать о том, что она сбежала.

– И при этом похитители забрали только ее вещи и драгоценности? – нагло рассмеялся приехавший вскоре Раф и оглядел комнату. – Ты проверил дом, больше ничего не пропало?

Мартин в бешенстве посмотрел на спокойного Рафаэля, но ничего не сказал. Он прошел в кабинет, по дороге остановился у бара в гостиной и плеснул себе порядочную порцию виски. Оглядел кабинет: все на месте, но тут ничего ценного и нет. Тогда он заглянул в сейф, уверенный, что там все будет в порядке. И не ошибся: беспорядка он не обнаружил, как и денег.

За своей спиной он услышал злой смех Рафа:

– Сколько?

– Двести, – процедил сквозь зубы Мартин.

Смех оборвался.

– Ты с ума сошел – держать дома такую сумму?! Для чего существуют банки? Дать бабе в руки такое богатство...

– Я доверял ей.

– Что?! Да ты никому не доверяешь! Даже себе.

Мартин схватил со столика китайскую вазу и со всей силы бросил ее на пол. Затем гневно посмотрел на недрогнувшего Рафа и холодно сказал:

– Найди мне Стивена Хоупса.

– Стив в Чикаго, по твоему заданию, – напомнил Рафаэль.

– Пусть бросает все и возвращается обратно.

– Знаешь, Мартин, – Рафаэль поправил брюки на своих кривых ножках, – бабу твою мы найдем, днем раньше или позже. Но работа – это другое. Это твоя репутация, и это намного важнее, чем сбежавшая шлюха.

Мартин вынул платок из кармана и вытер вспотевший лоб.

– Я еду в театр, – уже спокойно произнес он. – Может, там кто-нибудь знает, где она.

* * *

Мартин прошел по пустому зрительному залу и быстро завернул за кулисы, направляясь к гримерке Мэг Ланкастер, своей бывшей любовницы. Если в театре что-либо и знали о побеге Ирэн, то наверняка первой об этом стало бы известно Мэгги.

В гримерке было светло, повсюду стояли цветы в вазах. Мэг сидела в легком пеньюаре у огромного зеркала и наносила на лицо грим. Увидев Мартина, она улыбнулась:

– Здравствуй, дорогой!

Он не ответил на приветствие, прошел в глубь комнаты и сел на мягкий кожаный диван.

– Где Ирэн? – спросил он.

Мэг запрокинула голову назад и громко рассмеялась.

– Что, улетела дорогая мисс ле Руж? – Она снова повернулась к зеркалу и, глядя в свое отражение, язвительно добавила: – Теперь ты понимаешь, что чувствует человек, которого бросают?

Мэгги испытывала острое наслаждение от этой ситуации. Она взяла кисточку в руки и нежно провела по его щекам.

– А еще хуже, когда тебе наставляют рога!

Со стремительностью тигра Мартин вскочил с дивана и схватил Мэг за волосы. Пеньюар распахнулся, но она не пыталась прикрыть показавшуюся грудь, лишь с ненавистью продолжала кричать:

– Рогоносец, Мартин, ты – рогоносец! Все в театре знали, что она крутит за твоей спиной роман с каким-то ничтожеством. Все громко смеялись над тобой, когда она хвасталась, какие подарки ты ей дарил. А сбежала-то она с тем, кто был получше в постели!

Мартин с силой ударил Мэг по лицу. Она с криком упала на пол, кровь хлынула из ее изящного носа.

– Ты сломал мне нос! – рыдала она.

Мартин с презрением посмотрел на нее. Сейчас она выглядела жалко. Уж если ты начал вести себя дерзко, то продолжай в том же духе, что бы ни случилось. Даже захлебываясь кровью, надо плевать в своего врага, а не поджимать хвост, боясь наказания.

– Кто он?

– Михаил Нилов, – давась слезами, вымолвила Мэгги.

* * *

Из Чикаго вернулся Стивен Хоупс. Стив – Большой Глаз. Так его прозвали не за огромные, навывкате, глаза, а за его умение быстро обнаруживать необходимые вещи. Он как собака нападал на след и шел по нему до тех пор, пока не находил искомое. Преданный, жестокий, не знающий страха, он был псом, который с благоговением относился к своему хозяину, защищая и оберегая его. Через два дня он узнал, что Ирэн и Михаил улетели из аэропорта Ла-Гвардиа, взяв билеты до Сан-Диего. Рафаэль предположил, что из Сан-Диего они направились в Мексику, где найти беглецов будет невозможно. Бедная страна, множество жителей, а у них с собою целое состояние. Можно купить великолепную жизнь и не бояться при этом быть обнаруженным.

– Искать до тех пор, пока не найдете, – глухо произнес Мартин. – Хоть всю жизнь!

Язык у него заплетался от огромного количества выпитого алкоголя. В последнее время он не впадал в безумную ярость, он просто запирался в своей комнате и тихо пил. Рафаэль стучал в запертую дверь, но слышал только тишину в ответ. Временами Мартин, похожий на привидение, выползал в кухню, пугая прислугу, чтобы взять немного еды и очередную бутылку с выпивкой. Не обращая внимания на возмущенного Рафаэля, он запирал за собой дверь и продолжал пить.

– Это всего лишь баба! – кричал Раф, отнюдь не уверенный в том, что его слышат. – Прекрати пить!

Рафаэль делил женщин на две категории: такие, как Ирэн, и хорошие. Хорошие женщины, считал он, не могут быть с людьми такого сорта, как они. А из-за дряней не стоит и расстраиваться. Их столько вокруг, что не составляет никакого труда поменять одну на другую. Плакать, когда тебя оставила достойная женщина, – дело благородное, а убиваться, когда от тебя сбежала стерва, – пустое. Раф, не знавший мук любви, легко бросался подобными высказываниями. Он не понимал, что, когда любишь, все равно, какая перед тобой женщина. Ты не думаешь, достойна она твоей любви или нет, – ты отдаешь ей себя всего, без остатка.

ГЛАВА 6

Телефон трезвонил уже несколько минут. Была глубокая ночь, и Рафаэль с трудом открыл глаза.

– Да! – недовольно гаркнул он в трубку.

– Мистер Хаксли? – раздался голос.

– Его нет. Я его помощник и доверенное лицо, можете говорить со мной.

– Меня зовут Джон Колдер. Комиссар Колдер.

– Рафаэль Тэрстон.

– Мистер Тэрстон, брат мистера Хаксли Роберт и его жена погибли в аварии. Их машина столкнулась с грузовиком. Мне жаль.

Стало трудно дышать.

– Ребенок, мальчик был с ними?!

– Нет, сэр, они были одни. Примите мои соболезнования...

Рафаэль положил трубку, его трясло от напряжения, мозг отказывался верить в услышанное. Хотелось думать, что это чья-то злая шутка. Но такими вещами не шутят. Шатаясь от горя, он подбежал к комнате Мартина и, сотрясаясь от рыданий, забарабанил в дверь. За дверью ничего не было слышно. Тогда он начал бить в дверь ногой. Поистине, горе и страх делают с человеком небывалые вещи. Рафаэль, ноги которого были когда-то сломаны, неправильно срослись и отличались хрупкими костями, все-таки открыл огромную тяжелую дверь, с треском выломав замок. Он стал бить пьяного Мартина по щекам, вынуждая его прийти в себя.

* * *

– Ножки, ножки, идут по дорожке, – хриплый голос разносился по всему дому.

Мартин усмехнулся. Он работал у себя в кабинете и откровенно веселился, слыша, как Рафаэль примеряет на себя роль няньки Габриэля. У настоящей няньки сегодня был выходной, и она, оставив им множество бутылочек с детским питанием и кучу различных указаний, уехала навестить родственников.

– Раф, закрой пасть! – прокричал он. – Напугаешь мальчишку!

– Настоящий мужчина не должен бояться громких звуков, – послышалось в ответ, и тотчас же раздался плач ребенка.

Шесть месяцев прошло после гибели Роберта и Марии. Семь – с того дня, как исчезла Ирэн. Мартин выбросил из дома все, что напоминало ему о ней. Переселился в другую спальню, купил новую кровать и никогда больше не приводил в дом женщин. Кроме того, он решил уехать из Нью-Йорка и сейчас подыскивал особняк в Майами.

Стивен Хоупс звонил каждую неделю, сообщая о результатах поисков Ирэн и ее любовника. Он с помощниками вот уже семь месяцев подряд прочесывали всю Мексику вдоль и поперек. Выяснилось, что после Сан-Диего парочка взяла билеты до Гвадалахары. Дальше их след терялся. И вместе с ним блекла надежда Мартина отомстить за свою боль.

В кабинет вошел Рафаэль, держа в руках бутылку виски и один стакан.

– Пацан уснул. Выпьешь со мной? – Раф ехидно улыбнулся, прекрасно зная, что Мартин не пил с того печального дня, когда его верный друг высадил дверь в его спальне.

– Нашел дом?

Мартин кивнул.

– Где?

– Во Флориде.

– Ясно, что не в Австралии, – Раф несколько не смутился по поводу нежелания Мартина продолжать разговор. – Не очень-то любезно с твоей стороны подобным образом вести беседу.

Мартин проигнорировал замечание и посмотрел в свой ежедневник.

– На следующей неделе лечу в Милан, у меня встреча с Бруни.

Раф сделал смачный глоток из стакана.

– Слышал, в прошлом месяце Бруни избрали в депутаты. Я так и не понял, Мартин, как ты на него вышел?

Мартин усмехнулся:

– Сальваторе Маццола помог. Ему нужен свой человек в парламенте, и поэтому он толкает Бруни вверх. Через несколько лет сделает его сенатором. Но Бруни – скользкий червь, за ним нужен постоянный контроль.

– Поэтому ты и летишь в Италию?

Мартин кивнул.

– А зачем Маццола понадобился свой человек в итальянском парламенте?

– Это не наши вопросы, – отрезал Мартин. – Наша работа состоит в том, чтобы проверить, все ли в порядке, и, если есть ошибки, – устранить их.

Рафаэль многозначительно улыбнулся. Зазвонил телефон.

– Тэрстон, – сказал он и через мгновение протянул трубку Мартину. – Тебя, Стив.

Рафаэль увидел, как внезапная ярость вспыхнула на лице Мартина. Он ненавидел моменты, когда Мартин так резко менялся на его глазах, ненавидел это страшное преображение, когда он из спокойного человеческого состояния превращался в тигра. Он боялся такого Мартина и, зная, к каким последствиям это может привести, интуитивно прикрыл глаза.

– От мужчины избавиться, ее не трогать. Ждать меня! Я вылетаю! – Мартин как-то странно посмотрел на Рафа и просто сказал: – Ирэн нашли.

– Я уже понял, – Рафаэль взял в руки листок бумаги. – Поса-Рика-де-Идальго, ранчо «Толедо», – прочитал он и через силу усмехнулся. – Мне ехать с тобой?

– Останься с мальчиком.

* * *

Мартин долетел до Мехико, где в аэропорту его уже ждала машина. Всю дорогу он молчал, страшаясь той минуты, когда он наконец увидит Ирэн. Он вспомнил ее лицо, темные серые глаза, гладкую кожу и понял, что все еще любит ее. Они проехали Поса-Рика и направились дальше, к заливу Кампече. Мартин улыбнулся, подумав, что она всегда хотела жить у моря. Ранчо «Толедо» представляло собой небольшую, но вполне ухоженную усадьбу. Вокруг небольшого одноэтажного дома был разбит сад. По двору ходили куры, а в маленьком сарае, заходясь в голодном припадке, визжали свиньи. Неужели здесь живет его маленькая Ирэн? Она, привыкшая к драгоценностям, нарядам, обедавшая исключительно в ресторанах, теперь возится в огороде?

Мартин вошел в дом. Светлые занавеси были опущены, вещи валялись в полнейшем беспорядке. Сломанные стулья, разбитые цветочные горшки – и мертвый Нилов, прикрытый покрывалом. Он переступил через тело и прошел в дальнюю комнату, из которой слышались голоса его парней. Ирэн, бледная, в простом коротком платье, сидела на стуле и держала на руках новорожденного ребенка. Мартин быстро подсчитал в уме, что ребенок был зачат, когда они еще были вместе.

– Мой? – спросил он.

– Нет, Михаила, – тихо ответила она.

В ее голосе не было страха, и это не понравилось ему. Он ударил ее по щеке. Она знала, что произойдет дальше, но не просила о пощаде. Ирэн молчала, только из глаз ее медленно текли слезы. Она прошептала, крепко прижимая младенца к груди:

– Только не ее, умоляю...

Она протянула ему ребенка, и Мартин, повинаясь этому ее последнему желанию, взял мирно спящую девочку из ее рук. Больше он ничего не сказал, лишь кивнул своим людям, чтобы они продолжили начатое, и вышел, держа на руках дитя той, что предала его.

* * *

Когда Мартин принес девочку в комнату Габриэля, то вдруг вспомнил, что он не знает, как ее зовут. Мартин всмотрелся в ее спокойные темно-серые глаза и неожиданно для самого себя улыбнулся:

– Клементина, тебя зовут Клементина!

Девочка беспокойно зашевелилась в его руках и вдруг разразилась громким плачем.

– Ничего себе, – услышал он позади себя веселый возглас, – у девчонки глотка, как у боцмана! И кто это?

– Клементина, сестра-близнец Габриэля и моя племянница.

– Ну, у тебя, Мартин, и фантазия, – рассмеялся Рафаэль, разглядывая малышку. – Голодная, наверное!

Он убежал в кухню и через несколько минут вернулся с теплой бутылочкой.

– Давай сюда.

Он попытался забрать Клементину из рук Мартина, но тот увернулся и голосом, не терпящим возражений, сказал:

– Я сам.

– Ты же никогда не кормил ребенка, – удивился Рафаэль.

– Всегда приходит время, когда нужно начинать.

Мартин удобно положил малышку на руку и с улыбкой смотрел, как она жадно сосет молоко.

– Завтра необходимо выправить все бумаги на имя Клементины Хаксли. Записать ее одним числом рождения с Габриэлем.

– Ясно, – промычал Рафаэль. – И, это... нянька нужна. Его дамочка, – кивком головы указав на спавшего в своей кровати Габриэля, – не справится с двумя.

Поздней ночью Мартин все еще сидел в детской комнате, наблюдая за Клементиной. «Спи, малышка! Спи сладко, маленькая принцесса... А завтра, когда ты проснешься, перед тобою будет лежать весь мир...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 7

Рафаэль сидел на террасе в ротанговом кресле и держал на сгибе одной руки Клементину, а на другой – Габриэля. Из одежды на нем были только шорты, сандалии лежали рядом, и он блаженно тер босыми ногами о теплый пол. Мартин, сидя чуть в сторонке, просматривал бумаги. Периодически он поглядывал на почти голого Рафа и недовольно хмыкал. Наконец он не выдержал и раздраженно сказал:

– Иди накинй на себя что-нибудь.

– Ага, сейчас. – Рафаэль даже не сдвинулся с места. – Я собираюсь немного загореть. – Он рассадил детей по коляскам. – Вчера мы были у врача. Ты представляешь, этот недоумок сказал, что Клементина отстает в развитии в сравнении со своим братом! Я найду другого специалиста, который не будет наговаривать на девочку.

– Доктор Вейман – самый лучший педиатр в Майами. И, как мне кажется, он знает, что возраст Клементины гораздо меньше указанного в ее документах. Просто он дипломатично молчит по этому поводу.

Клементина, словно почувствовав, что говорят именно о ней, повернулась к Рафаэлю и криком потребовала, чтобы ее взяли на руки. Если ей чего-либо хотелось, она всегда брала свое криком. Нет, в глазах ее не появлялись слезы, она вообще никогда не плакала – она просто кричала. В доме были обустроены две прекрасные детские комнаты, но каждый раз, оставаясь одна, Клементина ревом поднимала весь дом на ноги, заставляя перенести себя к Габриэлю. Мартин долго старался приучить ее спать одной в своей комнате, но это не приносило результатов. Клементина заходила в жалобных воплях, успокаиваясь только рядом с братом.

Мартин и Раф не раз наблюдали, с каким удивительным спокойствием Габриэль относился к сестре. Уже уверенно стоявший на ногах, он неотступно помогал Клементине, еще только учившейся ходить. Водил ее за ручку, поднимал, когда она падала, в общем, вел себя по-мужски, как говорил Рафаэль. Мягкий и нежный Габриэль был полной противоположностью Клементине, которую в доме прозвали «маленьким деспотом». Она доводила прислугу до слез своими капризами и упрямством. Няньки менялись одна за другой, не выдерживая характера юной мисс Клементины. Жаловаться на поведение девочки Мартину было бесполезно, потому что он сам культивировал в ней дерзость и тщеславие. Он смеялся, когда она отказывалась от не понравившегося ей блюда, и приказывал подать малышке что-нибудь другое. Восхищался, когда девочка заставляла других делать то, что она пожелает. Он потакал всем ее прихотям, но в то же время учил ее дисциплине и послушанию, умению контролировать эмоции и способности подчинять своей воле других.

– Клементина стала слишком уж набирать в весе, – проговорил Мартин, рассматривая пухлую малышку.

– Девочка растет, ей нужно много есть, чтобы быть здоровой, – заступился за нее Рафаэль.

– И тебе не мешало бы сесть на диету.

– Я – и диета?! Будто я барышня какая-то! Я и сам не люблю, когда у бабы из-под кожи кости торчат. Берешься за нее, а она как батарея ребристая, ни сисек, ни задницы! На кой черт она такая нужна, скажите, пожалуйста? Баба должна быть мягкой, большой и горячей. Покажи мне сухих палок, да чтобы искры с них летели! Э-э, нет! Они все злые, потому что жрать хотят. А на хрен мне злая баба? Баба должна быть доброй.

Мартин не слушал Рафаэля, он смотрел на девочку, которая стала смыслом его жизни.

– Любишь ее? – спросил Рафаэль, впервые видя на лице Мартина выражение такой нежности и обожания.

– Больше жизни своей.

ГЛАВА 8

Близнецы Хаксли, как их теперь называли, учились в частной школе в Нью-Йорке, каникулы вместе с дядей и Рафаэлем они проводили в Европе или на островах. В школе Клементина вела себя совершенно не так, как дома, скрывая свою настоящую натуру. О, она умела это делать, как никто другой! Она играла со всеми, превращаясь в маленького беззащитного котенка, поэтому все считали ее спокойной, интересной и абсолютно не манерной девочкой. Сверстницы мечтали дружить с ней, потому что лучшую подругу трудно было себе представить. Но она никого к себе близко не подпускала. Всю свою любовь и дружбу она адресовала Габриэлю. Клементина любила в нем буквально все, обожала его за доброту, честность и мягкую настойчивость, словом, за все то, чего не было в ней самой. Она всегда удивлялась, почему они такие разные, и спрашивала об этом у дяди, но тот, смеясь, отвечал:

– Даже яблоки, растущие на одной ветке, отличаются друг от друга по форме и вкусу.

Действительно, Габриэль был абсолютно другим. И если Клементина лишь притворялась нежной, уравновешенной и великодушной, то Габриэль был таким на самом деле. Он был дружелюбным и открытым, веселым и ненавязчивым, никогда не боялся сказать правду и всегда отстаивал свое мнение.

Дядя был добр к нему, но немного отстранен и сдержан. Нельзя сказать, что Мартин не любил Габриэля, просто он всегда держал племянника на расстоянии. Он ни в чем не отказывал мальчику, впрочем, невыполнимых желаний у Габриэля и не возникало. Все, что было ему необходимо, – это краски, альбом и бутерброд. В отличие от Клементины, которая с холодным безразличием относилась к прислуге, Габриэль обожал домашних. В детстве он часто бегал в кухню – послушать их разговоры, посмеяться, и часто рисовал любимые им лица в своем альбоме. Если у Клементины было хорошее настроение, она благосклонно соглашалась позировать. Габриэль обожал сестру, но всегда возмущался ее вспышками гнева, удивлялся ее горячему темпераменту и смущался, когда она смотрела на него каким-то странным, пронзительным взглядом.

* * *

– Мистер Хаксли, проходите, – директриса, немолодая, но очень привлекательная женщина, подала Мартину руку. – Чай? Кофе?

– Кофе, пожалуйста.

Миссис Ирвин распорядилась, чтобы им подали напитки, и они оба молча наблюдали, как секретарь ставит на низенький столик поднос с кофе и сладостями. Мартин заметил, что директриса с любопытством рассматривает его, и улыбнулся. Она – неожиданно для себя – покраснела.

– Я хотела бы поговорить с вами о Клементине, – миссис Ирвин наконец справилась с собой.

– С ней что-то случилось? – в голосе Мартина послышались беспокойные нотки.

– О, нет, с ней все в порядке, в физическом плане. Но дело в том, – она замаялась, – что Клементина в последнее время стала хуже учиться. Видите ли, она всегда была прилежной ученицей, а теперь учителя жалуются, что девочка витает в облаках. Стала неуправляемой. А вчера она ударила Ив Роджерс.

– За что?

Миссис Ирвин снова смутилась от взгляда Мартина.

– Была большая перемена. Ученики находились в парке. Ваш племянник разговаривал с Ив. Их связывают теплые отношения. Пятнадцать лет, первая любовь, сами понимаете...

Потом к ним быстро подошла Клементина и внезапно отвесила девочке пощечину. В общем, мне кажется, она ревнует.

Мартин улынулся. Наконец он нашел ее слабое место. Габриэль! Кто бы мог подумать?! Миссис Ирвин изумленно смотрела на улыбающегося Мартина.

– Мистер Хаксли! Девочка слишком сильно привязана к брату. Это само по себе очень хорошо, но нельзя допустить...

– Саманта, – прервал ее Мартин, – можно мне вас так называть?

Она кивнула.

– Я сам разберусь с этой ситуацией.

Он пристально осмотрел ее: красива, умна и, насколько ему было известно, в разводе. В голове его вдруг промелькнула интересная мысль.

– Вы не откажетесь поужинать со мной?

* * *

Мартин стоял у окна, ожидая, когда детей привезут из школы, и размышлял о пылкой и неосторожной влюбленности Клементины в ее брата. Их всегда воспитывали как родных. Как получилось, что девочка не приняла этого родства и увидела в Габриэле мужчину? Мартину вдруг стало как-то неприятно, не по себе, но не оттого, что Клементина нарушила какие-то нормы морали. Нет, в ее любви он не видел ничего непристойного, так как в Габриэле текла чужая кровь. Мартин злился, потому что Клементина перестала принадлежать только ему! Он почувствовал, что она отдаляется от него, и... испугался.

Выходя из машины, Габриэль не подал Клементине руку. Видимо, мальчишка был все-рез зол на сестру. Мартин подождал несколько минут, вышел за дверь и крикнул:

– Клементина, зайди ко мне!

Клементина с наглым видом прошла в кабинет.

– Закрой дверь и садись.

В точности выполнив все эти указания, Клементина присела в кресло. Мартин молчал. Он всматривался в нескромно красивое лицо девочки и не знал, как начать разговор.

– Я хочу услышать твою версию вчерашнего происшествия, – наконец сказал он.

– Ничего не произошло, – мягко ответила Клементина.

– Хорошо, – усмехнулся Мартин, – а за что ты ударила подружку Габриэля?

Он намеренно сделал ударение на слове подружка, чтобы посмотреть на реакцию девочки. Как он и предполагал, лицо ее побледнело от гнева.

– Заслужила! – процедила сквозь зубы Клементина.

Мартин стукнул кулаком по столу, и Клементина вздрогнула от неожиданности.

– Мне пришлось выслушивать всякие мерзости о том, что моя племянница бежит за своим же братом!

Клементина отвернулась, ноздри ее дрожали, но она молчала.

– Это правда?

Клементина была в ярости оттого, что об этом говорят в школе. Она встала и, слегка растягивая слова, произнесла:

– Да, это правда.

– Я не разрешал тебе вставать!

Клементина села на место:

– Прости!

– Клементина, прощение просит либо виновный, либо слабый, либо и тот, и другой. – Мартин встал, подошел к ней, крепко прижал к себе и быстро заговорил: – На следующей

неделе ты улетаешь в Лондон. Я уже устроил тебя в закрытый пансион. Там будут только одни девочки.

Клементина начала вырываться из его крепких объятий, но он не отпускал ее и не давал ей возможности посмотреть ему в глаза.

– Так будет лучше для всех.

Клементина, отчаянно вывернувшись, сумела ослабить тиски его рук и оттолкнула Мартина. Ее лицо было красным от слез.

– Переживаешь из-за того, что люди скажут о моем аморальном поведении?! – она почти кричала. – Сам говорил – все равно, что говорят другие! Лицемер!

Выбежав из кабинета, Клементина увидела, что в гостиной сидят напряженные Габриэль и Раф, ожидая ее появления. Она нежно улыбнулась им.

– Я улетаю в Лондон, – сказала она Габриэлю. – Поможешь мне собрать вещи?

ГЛАВА 9

Двадцать восьмое апреля. День рождения. Клементина горько улыбнулась. Вот уже трижды она отмечает их общий с Габриэлем праздник одна. В последнее время она сильно изменилась и из угловатого подростка превратилась в красивую девушку. Длинные прямые черные волосы. Тонкая, слегка тронутая загаром кожа. Темно-серые глаза, выразительные и глубокие. Слегка пухлые, чувственные губы и небольшой прямой нос. Нежный овал лица и аккуратный подбородок. «Все это чушь – то, что обычно говорят о сильном подбородке. Квадратный мощный подбородок, свидетельствующий о силе и мужестве... Чепуха! Нижняя часть лица может восхищать всех художников мира своим изяществом, но при этом человек будет обладать неsgiбаемой волей и твердым характером», – думала она, разглядывая себя в зеркало.

Клементина прекрасно осознавала, что она красива. Но также она знала, что в эту мягкую и нежную оболочку был заключен яростный и жестокий зверь. В Клементине все было фальшивым. Внешняя красота, женственность и аристократический лоск, обретенный благодаря жесткому воспитанию, – это всего лишь картинка, наживка, на которую клюют все. Этот антураж специально создавался, строился для того, чтобы усыплять бдительность людей. Используя свою физическую привлекательность, Клементина училась манипулировать людьми. Она была умелым кукловодом, окружающие подчинялись ей, порою не отдавая себе отчета в том, что именно они делают. Просто молча соглашались с ней, глядя в восхитительные глаза красивой девушки, и радовались, когда она одаривала их счастливой улыбкой.

В этой «обители святости» – так ученицы между собой называли пансион – строгие преподаватели зорко следили за своими воспитанницами, охраняя их нравственную чистоту. Но все же девушки умудрялись проносить в свои комнаты выпивку и сигареты. Под покровом ночи они устраивали тихие праздники, приходя утром на занятия с головной болью и тошнотой. Часто Клементина бывала инициатором подобных мероприятий, и, когда организатором становилась она, все проходило спокойно и без жалоб со стороны администрации. Девушки удивлялись, как ей это удается, но она мило улыбалась и говорила, что обаяние – это козырной туз в руках. На самом деле она просто подходила к какому-нибудь более или менее лояльному воспитателю и платила ему две сотни фунтов за молчание и снисходительность. Клементина рано поняла, что с помощью денег можно открыть любые двери. И всегда этим пользовалась.

Мартин и Рафаэль навещали ее каждый месяц. Поначалу Клементина обижалась на дядю, но потом она простила его или сделала вид, что простила. Раф с гордостью смотрел на свою воспитанницу-красавицу, удивляясь, как она в такой короткий срок смогла превратиться в прекрасную женщину. Кажется, еще совсем недавно она неуклюже падала, пытаясь научиться ходить, а сейчас мужчины от нее не могут отвести взгляды.

Выходные Клементина проводила у одной из подруг, живущих поблизости, но каникулы – обязательно дома. Каждый раз, приезжая в Нью-Йорк, девушка с замиранием сердца ждала той минуты, когда она увидит Габриэля. Широкоплечий и узкобедрый, он заставлял ее трепетать от волнения, но Клементина умело скрывала чувства к нему. Она боялась своей любви, зная, что это отвратительно, но ничего не могла с собой поделать. Терзаясь и страдая все то время, что она проводила рядом с Габриэлем, девушка с облегчением возвращалась в Лондон.

Мартин, желая отвлечь племянницу от этих переживаний, давал ей мелкие задания, которые доставляли девушке огромное удовольствие. Будучи от природы любопытной, Клементина веселилась, узнавая о людях тайные сведения, известные лишь немногим. В колледже учились девушки из очень уважаемых семей, и она была вхожа в их дома. Без зазрения совести, с улыбкой ангела на лице она копалась в их «грязном белье», находя слабые места и раскрывая секреты. Понятие совестливости, как и вопросы морали, для нее никогда не являлось важным.

Она не мучилась, зная, что поступает с людьми плохо. Она просто жила, крутясь в вихре удовольствий и развлечений.

В комнату влетела симпатичная брюнетка и, бросившись к Клементине, едва не задушила ее в объятиях:

– С днем рождения!

– Эстэр, – рассмеялась Клементина, – отпусти!

Эстэр Бруни была дочерью итальянского сенатора. Клементина много раз слышала эту фамилию в разговорах дяди и Рафаэля, но никогда не говорила об этом Эстэр. Она всегда тонко чувствовала, что можно говорить, а что нельзя.

– О чем задумалась? – пропела Эстэр.

Клементина неопределенно пожала плечами и улыбнулась:

– Обо всем!

Она никого не впускала в свой внутренний мир, но – специально для окружающих – создала видимость душевной открытости и участливости.

– Только не грусти, сегодня же твой день рождения! – Эстэр с визгом набросилась на подругу и стала ее щекотать. – Даже не верится, что через месяц мы все разъедемся кто куда, – прекратив веселье, печально произнесла она. – Ты уже решила, какой университет предпочтешь для дальнейшей учебы?

Клементина покачала головой:

– Не совсем, но определенно это будет либо Оксфорд, либо Гарвард.

– Здорово, когда есть выбор. Мой старик решил, что я буду учиться в Миланском университете. Даже не спросил у меня, хочу я этого или нет. Милан – и точка! Факультет выбрала?

– Психология или социология. Еще не решила.

– О, да, это твое! – засмеялась Эстэр. – Ты же у нас маленький Фрейд.

Клементина сдвинула брови:

– Значит, по-твоему, я думаю только о членах и ни о чем больше?

– Нет. Это я думаю о членах. Причем о больших!

ГЛАВА 10

Мартин налил себе виски в стакан, добавил несколько кубиков льда и, повернувшись к Рафаэлю, спросил:

– Клементина что-нибудь говорила об учебе?

– Молчит. Она боится, что ты не позволишь ей вернуться в Нью-Йорк. Я скучаю по ней. Да и ты тоже, – Рафаэль умоляюще посмотрел на Мартина. – Не молчи! Что ты решил? Оставишь ее в Европе?

Мартин задумчиво потрогал подбородок:

– Поговорим об этом позже. Сейчас у меня встреча с Морони.

Рафаэль поднялся.

– Не нравится он мне, – сказал он. – Мое предчувствие редко меня обманывает. Нечистый он какой-то.

– Не грязнее нас с тобой, – рассмеялся Мартин.

– Когда ты научишься доверять моей интуиции? – обиделся Раф. – Больше двадцати лет живешь со мной, а веришь, как муж жене. То есть вообще не веришь.

Мартин устало вздохнул. Рафа было трудно переубедить, если он что-то вобьет себе в голову. Франческо Морони был прекрасным экономистом, это он управлял финансами семьи Хаксли. Обязательный, умный, он никогда не доставлял хлопот. Но Рафаэль все же посеял сомнения в душе Мартина, и он нанял ревизоров, которые втайне от Морони кропотливо трудились над проверкой документации. Как оказалось, Морони оказался чист и честен, чем весьма удивил Мартина. Он предполагал, что возникнут некоторые нюансы, но Морони мог отчитаться за каждый доллар. Мартин был удовлетворен и приятно удивлен.

Франческо Морони же был в бешенстве. Вот уже много лет он работал на Хаксли и никогда не давал повода для подозрений. Годы, заполненные рутинной работой, чтобы отмыть грязные деньги! Годы, проведенные в офисе, без семьи, друзей... Он, как собака, летел куда надо по первому требованию, делал все, чтобы приумножить и без того немалый капитал. И все для того, чтобы его проверяли, как школьника?! Ради чего было потрачено столько времени, если ему до сих пор не доверяют?

Морони родился в большой итальянской семье и всего в жизни добивался самостоятельно. Сам зарабатывал деньги, чтобы иметь возможность учиться в колледже, сам устроился на работу в известную финансовую компанию. Продвигался вверх по карьерной лестнице исключительно благодаря своему уму. За ним никто не стоял и никто не двигал наверх. Когда ему предложили возглавить бухгалтерский отдел, появился Хаксли. Он предложил Франческо зарплату, втрое превышающую ту, какую ему обещали в качестве руководителя отдела. Морони долго думал и в итоге согласился. Как тень, он стоял за спиной Мартина, будучи в курсе всего, что творилось в доме Хаксли. Его не волновало, какими путями Мартин сколотил свое состояние, его не трогало, что к нему относятся как к бумажной крысе, ему были интересны только цифры. А сейчас он узнает, что его тайно проверяют! «Зря, мистер Хаксли!» – подумал Морони, и мрачная улыбка заиграла на его губах.

* * *

Клементина с радостью покинула пансион. Сердце девушки было переполнено счастьем – оттого, что ей больше не придется возвращаться в Лондон. Мыслями она уже была дома, рядом с Габриэлем, и, приехав в Нью-Йорк, она изрядно опечалилась, узнав, что он с друзьями улетел на Карибы. Целых три недели без него! Впрочем, они и так не виделись уже шесть месяцев, поэтому тремя неделями больше, тремя меньше – не имело значения. И все же она

ждала. Со страхом, надеждой и желанием. Но когда он вошел в дом, загорелый и высокий, она растерялась.

– Моя малышка-сестренка, – произнес он мягким голосом.

– Здравствуй, Габриэль.

– «Здравствуй, Габриэль»? Что это за приветствие?

Он подхватил ее на руки и закружил по комнате. Клементина на мгновение крепко прижалась к нему и быстро отодвинулась. Он почувствовал ее холодность и непонимающе спросил:

– Все в порядке, детка?

– Не зови меня деткой, – зло ответила она.

– Да что с тобой, в конце концов? – нахмурился Габриэль.

Клементина вдруг счастливо улыбнулась, и он оторопел.

– Все в порядке, все в полном порядке! Как ты отдохнул?

– Высший класс! Когда подадут ужин? Я голоден, как леопард.

Ужин сопровождался рассказами о красотах Карибского моря, прелестях Маракайбо и Санто-Доминго. Габриэль вспоминал смешные истории, произошедшие с ним и его друзьями, но ни разу не упомянул о своей подруге. Значит, у него нет девушки, радовалась Клементина.

– Как поживает Николь? – деловито спросил Мартин.

– Замечательно, – бросил Габриэль и быстро посмотрел на Клементину.

Та спокойно подлила себе минеральной воды.

– Николь Гроуз? – поинтересовалась она.

Габриэль кивнул.

– Не знала, что тебе нравятся толстухи, – она невинно посмотрела ему в глаза.

Габриэль смущенно отвел взгляд.

– А, красотка Николь, – проговорил с набитым ртом Рафаэль, – вот это женщина!

– Оказывается, у вас одинаковые вкусы? – Клементина сделала вид, что удивлена. – Я разочарована.

Она увидела обиду в глазах Габриэля. Сердце ее наполнили горечь от произнесенных им слов и в то же время – мстительная радость оттого, что она сделала ему больно. После ужина Клементина влетела в свою комнату, заперлась на ключ и разрыдалась.

* * *

На следующий день Клементина прогуливалась по Пятой авеню, заходя почти в каждый магазин и покупая все, что ей понравится. Она решила выбросить из головы Габриэля. Утром она позвонила Филиппу Олсону, своему давнему поклоннику, и назначила встречу на вечер. Мысли ее были заняты предстоящим свиданием, и она не заметила, как пролетело время. В желудке беспокойно заурчало. Клементина оглянулась, пытаясь вспомнить, где находится ближайшее кафе. Как же долго она не была в Нью-Йорке! Наконец, сориентировавшись, она прошла немного вперед и улыбнулась. «Солланж», их любимое кафе с Габриэлем. Здесь продавались самые вкусные шоколадные трубочки в городе. Изумительно пахло какао, играла легкая ненавязчивая музыка, а за столиком у окна сидели Габриэль и Николь и мило шептались. Словно что-то почувствовав, Габриэль поднял голову и увидел огромные глаза Клементины. Она бросилась к выходу, и он, не медля ни секунды, выбежал за ней на улицу, оставив внутри ничего не понимающую Николь. Он вглядывался в лица и силуэты прохожих, но Клементины уже нигде не было видно.

Она бежала к парковке, где оставила свою машину, и слезы больно обжигали ее лицо. Когда она не видела Габриэля рядом с другими девушками, все воспринималось по-другому. Но сейчас, глядя на эти нежные прикосновения и заметив выражение влюбленности в его глазах, ей хотелось кричать от ревности.

Клементина не помнила, как доехала до Лонг-Айленда. Она так быстро гнала машину, что время, проведенное в пути, показалось ей одним мгновением. Перед самыми воротами она поняла, что не успеет затормозить, и резко вывернула руль вправо. Машину круто развернуло, и она вылетела на обочину, снеся при этом два фонаря. Клементина больно ударилась головой о руль и почувствовала на губах приятный солоноватый привкус крови. Подбежали испуганные охранники и помогли ей выбраться из машины.

Спустя час она слушала длинную проповедь Рафаэля по поводу своей безответственности и с удивлением смотрела на белое лицо дяди.

– Как можно быть такой опрометчивой? – выговаривал ей Рафаэль.

– Я уже все слышала. Избавь меня от надобности слушать этот бред по второму кругу! И вообще, не вмешивайся.

– Что?! Я тебя из ложки кормил, подгузники менял, и я не должен вмешиваться в твою жизнь?! – Слезы заблестели в его глазах, Рафаэль достал платок и театрально высморкался в него. – Предупреждаю, – уже грозно продолжил он, – если ты...

– Буду водить аккуратно, – спокойно закончила этот разговор Клементина и встала с дивана. – А сейчас, няня, приготовь мне новую машину, у меня вечером свидание.

– Позвони в гараж и попроси. И вообще, никакой машины! Вызовешь такси.

– Рафаэль, вечно ты брюзжишь и брызгаешь слюной. Я иду в свою комнату. Такси должно быть у дома через два часа.

Когда Клементина ушла, разговор в гостиной продолжился.

– Хреновая ты нянька, Раф, она тобою крутит, как пожелает, – усмехнулся Мартин.

Только сейчас он начал приходить в себя, чувствуя, как сердце перестало бешено стучать и руки снова стали теплыми.

– Да и тобой не брезгает, – огрызнулся Рафаэль.

Мартин замолчал. Он через многое прошел, смотрел на трупы и сам убивал, но никогда ему еще не было так страшно, как в тот момент, когда он увидел свою девочку в окружении охраны и всю в крови.

– Солнышко, мне надо с тобой поговорить, – Мартин прошел в комнату Клементины и присел на кровать.

Девушка рассматривала себя в зеркало. Слава богу, синяков нет, только небольшая шишка на лбу, но она прикрыта волосами и совсем не видна.

– Дядя, – ласково отозвалась Клементина, – если ты хочешь поговорить о случившемся, то я уже все поняла. – Она подошла к Мартину и села к нему на колени. – Прости меня за то, что заставила вас с Рафом волноваться. Я была не в себе и только сейчас поняла, как рисковала. Больше такого не повторится.

Мартин улыбнулся и нежно погладил ее по спине.

– Нет, дорогая, этот разговор касается других вещей.

Клементина вскинула голову:

– Меня и Габриэля? Но здесь тоже все в порядке. Тебе не придется стыдиться меня, я же обещала.

Он посмотрел в ее потемневшие глаза и медленно произнес:

– Я никогда не стыдился и не буду стыдиться тебя. Ты уже определилась с университетом?

Клементина пристально взглядела в его лицо:

– Гарвард и Оксфорд.

– Я советую тебе выбрать Оксфорд.

Клементина горько усмехнулась и подошла к зеркалу.

– Снова желаешь от меня отделаться?

– Мне нужен свой человек в Европе. Я хочу, чтобы ты встречалась с нужными людьми, заводила полезные знакомства и была всегда на виду.

Клементина прошла по комнате. Она не ожидала такого поворота событий.

– Я не желаю быть светской львицей.

– Кем же ты желаешь быть? – улыбнулся Мартин.

– Твоим партнером!

ГЛАВА 11

Клементина и Эстэр Бруни сидели в небольшом кафе на Кенсингтон-стрит и бурно обсуждали предстоящие каникулы. Эстэр гостила у подруги уже две недели и явно не собиралась обратно в Милан.

– А как же учеба? – недоумевала Клементина. – Будет смешно, если ты вылетишь на последнем курсе.

– Плевать я хотела, – беззаботно ответила Эстэр. – Пусть папаша думает, как выкрутиться. Он меня туда впихнул, так пусть сам и учится. Клементина, ну какой из меня юрист? Мало того что он заставил меня изучать юриспруденцию, так еще и нацелился на международное право!

– Но у тебя прекрасная международная практика, – засмеялась Клементина, намекая на многочисленных интернациональных поклонников Эстэр.

– В отличие от тебя, я не расист, – Эстэр подмигнула Клементине. – И для меня не имеет значения цвет кожи моего любовника. Какие планы на вечер?

– Встречаюсь с Эриком.

– Ах, Эрик, – мечтательно произнесла девушка, подняв глаза в небо. – Боже, подари мне нечто подобное!

– Можешь пользоваться, – рассмеялась Клементина.

Эстэр округлила глаза:

– Такими не делятся.

Клементина удивилась, потому что смотрела на Эрика не более чем на умелого любовника. Эрик Ройс был молодым перспективным художником, имел богатых родителей и прекрасную квартиру на Оксфорд-стрит. Он был красив и страстен и удерживал Клементину рядом с собою только благодаря своему животному темпераменту. Началось все просто и предсказуемо. Клементина попросила юношу нарисовать ее и на первом же сеансе соблазнила его. Впрочем, он не сопротивлялся. Эрик сгорал от страсти, она же оставалась холодной, чем возбуждала его еще больше.

– Он готов на все ради тебя, – завистливо протянула Эстэр. – Мой папочка был бы рад, если бы я подцепила такого, как Эрик. Достойный кандидат на роль зятя сенатора Бруни! Богат, из уважаемой семьи, не глуп и к тому же знает половину Лондона. Чем не удачная партия?

– Повторяю, можешь пользоваться.

– Если бы ты не была моей подругой, я уже давно попробовала бы. Но я люблю тебя, поэтому не стану уводить у тебя мужчин.

Клементина заглянула Эстэр в глаза. Было видно, что она говорит правду. Эстэр действительно любила ее. В душе ее зашевелилось нечто похожее на ответное чувство, но Клементина постаралась избавиться от него, так как ей не нужны были привязанности. Это доставляет много хлопот, вынуждает тебя проявлять ответственность, заботу о тех, с кем ты дружишь. Но приятное ощущение от того, что ее любят, все же заставило девушку искренне улыбнуться. Клементина пожала Эстэр руку и голосом, исходившим из самого сердца, произнесла:

– Спасибо, милая, я тоже тебя люблю!

Как легко сказать, что любишь, подумала она. Всего лишь три ничего не значащих слова. Если добавить соответствующий тон и выражение лица, можно делать с человеком все, что захочешь. Почему люди покупаются на это? Все очень просто. Никто не может устоять перед признанием в любви. Это как десерт в конце шикарного ужина. И сколько бы лакомств ты ни поместил в свой желудок во время трапезы, вилка все равно сама собой тянется к пирожному. Клементина улыбнулась. Оказывается, людей можно покупать не только деньгами, но и элементарным враньем!

– Эстэр, – снова повторила она – только для того, чтобы проверить правильность своей теории, – я тебя очень люблю.

* * *

Клементина жила в большой квартире на Найтсбридж. Ей не приходилось, как другим студентам, работать, чтобы оплатить свою учебу. Университет и был ее работой. К занятиям она относилась со всей серьезностью, к тому же учеба приносила ей радость, она была прилежной ученицей, любимицей преподавателей и студентов. Вот-вот Клементина должна была получить диплом социолога, но она вовсе не собиралась работать по этой специальности. Кроме основных предметов, она изучала психологию, литературоведение, искусствоведение и многое другое, но не потому, что так уж сильно стремилась к знаниям, а для того, чтобы лучше разбираться в людях и их желаниях.

Клементина всегда была объектом пристального внимания со стороны мужчин, но только повзрослев и превратившись в прекрасную женщину, она поняла, какое воздействие может оказывать на противоположный пол. Она научилась управлять ими, заставлять их делать то, что она пожелает, расправляться с неугодными ей и дерзкими людьми, а также умело поощрять мужчин, заслуживших ее одобрение. В глазах людей Клементина никогда не была лидером, вернее, она не казалась таковой, на самом же деле она умело дергала за ниточки, заставляя всех плясать тот танец, который ей хотелось увидеть. Но, виртуозно манипулируя другими, она никогда не давала никому возможность управлять собой. Единственным человеком, который видел все ее уловки и тонко чувствовал ее настроение, был Мартин.

Мартин часто бывал в Лондоне, но никогда не оставался там надолго, потому что не любил местный климат, излишне чопорных людей и мерзкий на вкус английский кофе. Он приветствовал стремление Клементины к учебе и планировал через некоторое время ввести ее в настоящий курс дел. Мартин как никто другой знал свою девочку. Ее ум, тщеславие, лживость и красота могли сильно помочь ему. Он не задумывался над тем, что собирается сделать из Клементины преступника, каким являлся сам. Нет, думал он, она уже давно ступила на этот путь, будучи зачатой во чреве воровки. Ее безжалостность и жажда денег говорили о том, что, когда Клементина узнает о действительном положении вещей, о том, кем он является на самом деле и как заработал свое состояние, она не отвернется от него. Наоборот, будет рядом. Мартин видел в ней большой потенциал и намеревался это использовать. Конечно, он не собирался давать ей в руки винтовку и заставлять девушку убивать людей. Для этого у него были другие люди. Имея много денег и большой круг знакомых, человек получает возможность открывать любые двери. Девушка может добывать нужные ему сведения и в то же время не вызывать подозрений. Клементина ведет светский образ жизни, думал он, она всегда на виду. Никто и никогда не свяжет нежную, красивую женщину, имеющую безупречную репутацию и кристально чистое прошлое, с преступлениями.

Сам Мартин был закрыт для общества и редко с кем встречался. Люди считали его эксцентричным богачом, но Мартин лишь ухмылялся и говорил, что каждый имеет право жить в своем собственном мире. Его миром была преступность, и он раскрыв в него двери для Клементины, ни на йоту не сомневаясь в том, что она пройдет через них и окажется внутри – в его мире.

* * *

У Клементины всегда было много мужчин. Стоило кому-либо ее один раз увидеть, и человек уже не мог ее забыть. И дело было не только в ее обворожительной внешности. В ней чувствовалась некая животная страсть, тщательно скрываемая за фасадом: аристократично-

стью и мягкими манерами. Трудно было себе представить, что перед тобою стоит жестокий, коварный и опасный человек. Она возбуждала, соблазняла, обволакивала таинственностью и влекла к себе. Ни один мужчина не мог отказаться от нее, и Эрик Ройс не был исключением. Он боготворил свою возлюбленную, считая ее самой чистой и прекрасной женщиной в мире. Не имело значения, что она уложила его в постель на второй же день их знакомства. Клементина обставила это как временное помешательство. После жаркого секса она выглядела растерянной и опечаленной своим поведением. Эрик, повидавший в своей жизни множество распущенных женщин, был тронут этой искренностью. Он даже не смог понять, как по уши влюбился в нее.

– Я хочу, чтобы ты поехал со мной в Нью-Йорк, – томно произнесла Клементина.

Они сидели в ресторане «Иви» и ждали заказ. Эрик был высоким, голубоглазым и дерзким на вид. Вместе они составляли красивую пару, и об этом говорили взгляды, устремленные в их сторону, по крайней мере, половины мужчин и женщин, находившихся в зале.

– Я согласен, – Эрик дотронулся до ее руки.

«Может, Габриэль наконец почувствует ревность?» – подумала она и тут же отмахнулась от этой мысли, напомнив себе, что пустые иллюзии ей ни к чему. Они редко виделись за последние четыре года, точнее, лишь трижды. Клементина сознательно избегала встреч с ним, находя различные предлоги, чтобы не ездить домой. Но она всегда справлялась у дяди о его успехах в учебе, уклоняясь от разговоров о личной жизни брата. Габриэль учился в Йельском университете, на архитектурном факультете. Как оказалось, весь талант отца перешел к сыну, потому что Клементина рисовать не только не любила, но и не умела.

Габриэль злился на сестру, не понимая, что творится с ней. Он чувствовал ее странную нервозность, когда она находилась рядом. Видел, что она ревнует его к другим девушкам, но объяснял это их тесной родственной и дружеской связью. Как-никак они близнецы, а таким людям всегда трудно делиться с кем-либо своей «половинкой».

– Когда мы летим? – Эрик отпил глоток вина.

– Через две недели. – Клементина сняла туфельку и дотронулась кончиками пальцев до его бедра.

Эрик моментально возбудился. Он страстно посмотрел на Клементину и срывающимся голосом попросил:

– Поехали домой!

– Нет, я голодна. – Клементина продолжала гладить его.

Он просунул руку под стол и сильно сжал ее ногу.

– Тогда прекрати. Я больше не могу сдерживаться!

– Выпей вина.

– Ты издеваешься надо мной?

– Я просто хочу тебя взбодрить, – рассмеялась Клементина.

«Такой же, как и все, – подумала она. – Стоит дотронуться до члена, как он обо всем забывает». Есть ей не хотелось, и Клементина молча смотрела в свою тарелку.

– Ты даже не притронулась к еде, – недовольно заметил Эрик, – а говорила, что проголодалась.

– Я утолю голод дома, – прошептала она и увидела, как глаза Эрика ярко загорелись.

* * *

Шел мелкий дождь, и Франческо Морони приподнял воротник, чтобы хоть как-то укрыться от него. Его маленькое лицо горело ненавистью. Он подошел к почте, оглянулся по сторонам в поисках знакомых лиц и достал из кармана голубой конверт. Минуту постоял, разглядывая его, и опустил в почтовый ящик.

* * *

– Напомните, чем вы занимаетесь? – вежливо поинтересовался Мартин.

– Я – художник, – ответил Эрик.

Мартину он нравился. Уверенный в себе, прекрасные манеры, приятная внешность. Но этот молодой человек совершенно не вписывался в его планы.

– Выставлялись?

– Да, в галерее «Тейт-модерн» и в «Пезаро».

– М-м, так вы молодой Пикассо? – надменно сказал Габриэль.

Клементина удивленно посмотрела на него и, взяв за руку Эрика, сказала:

– Не обращай внимания на моего злобного брата. Он всегда бесится, если кто-нибудь делает что-то лучше его.

Габриэль приподнял левую бровь:

– Да? Не замечал этого за собой.

Клементина послала ему теплую улыбку и переключилась на Эрика, что-то прошептав ему на ухо и опустив руку под стол. Габриэль напрягся, он увидел, как облизнулся Эрик, глядя на губы Клементины. Она выглядела просто потрясающе: прямые шелковистые волосы высоко собраны на затылке, узкое платье, подчеркивающее все изгибы ее женственной фигуры. Габриэль представил, что ее рука делает под столом, и быстро вскочил, уронив на скатерть свой бокал.

– Прошу меня простить. Мне необходимо сделать важный звонок.

Клементина спрятала улыбку и, повернувшись к Мартину, спросила:

– Дядя, а где Раф?

– Сказал, что задержится, но попросил не есть без него десерт.

Клементина весело рассмеялась и объяснила Эрику:

– Если Рафаэль занят, но обещал успеть к десерту, значит, подадут кленовый мусс. Он приплывет сюда из Лондона, если понадобится, но не упустит случая отведать свое любимое лакомство.

Словно подтверждая ее слова, в дверях столовой показался запыхавшийся Раф и прокричал:

– Я не опоздал? Здравствуйте, молодой человек!

– А нам с Клементиной «здравствуйте» не нужно сказать? – спросил Мартин, прекрасно зная, каков будет ответ.

– Вас я сегодня уже видел.

* * *

Габриэль заснул только под утро. Половину ночи он измерял шагами свою комнату, ожидая, когда вернется Клементина. Утром он спустился на первый этаж и, чтобы хоть чем-то занять себя, стал проверять почту. Счет, счет, письмо для дяди, «Габриэлю и Клементине Хаксли». «Наверное, какое-нибудь приглашение», – подумал он, равнодушно открывая конверт. В нем была фотография незнакомой женщины и отпечатанные на принтере листки бумаги. Он быстро пробежал глазами по строчкам, нахмурился и снова перечитал письмо. Открылась входная дверь, и в холл тихо вошла Клементина. Увидев Габриэля, она вздрогнула от неожиданности. Он молча протянул ей письмо.

– Позже. Я устала и хочу спать.

– Сейчас!

Что-то в его голосе заставило подчиниться, и она, недовольно присев на диван, стала читать.

«Уважаемые Габриэль и Клементина! Мне очень жаль, что вы столько лет живете во лжи. Смею сообщить вам некоторые тайны вашего рождения, а также рассказать вам о жизни человека, которого вы считаете своим дядей...»

Далее шла весьма детальная история, касавшаяся истинных обстоятельств рождения Клементины. Красочно описывались преступления, совершенные Мартином, прилагался приблизительный список убитых им и по его приказу людей, а также имелось фото красивой дамы, на обратной стороне которого стояла подпись: «Любимому Мартину от Ирэн ле Руж».

Клементина посмотрела на Габриэля и уверенно сказала:

– Это чья-то злая шутка.

– Слишком уж все правдоподобно.

– Габриэль, если это правда, – раздраженно произнесла она и потрясла листами, – то почему человек, написавший это письмо, испугался сказать нам все лично?

– Он боялся, но явно не нас!

– Что же делать? – растерялась Клементина.

– Спросим у Мартина.

Габриэль направился в апартаменты дяди и, даже не удосужившись постучать, вошел в комнату. Мартин еще спал, но Габриэль бесцеремонно растолкал его и протянул ему письмо.

– Прочти и разъясни нам то, что здесь написано.

Мартин поднялся с постели, надел халат и стал медленно читать. По мере того как уменьшалось количество непрочитанных им строк, глаза его все сильнее загорались гневом.

– Что это? – грозно спросил он. – Как эта дрянь оказалась у вас?! – Мартин уже кричал.

– Прислали по почте, – спокойно объяснила Клементина.

Глядя на побелевшего от ярости Мартина, она начала понимать, что письмо, возможно, не такое уж и лживое. Из-за пустяков Мартин никогда не стал бы так злиться! У него были тревожные глаза, как будто кто-то рассказал ему о том, что никому не следовало бы знать.

– Что случилось? – обеспокоенно потребовал ответа вошедший в комнату Рафаэль.

Мартин молча протянул ему бумаги и, пока тот читал, быстро сказал:

– Узнай, каким образом они сюда попали и кто это написал.

– Невозможно, – уверенно сказал Раф, – письмо отправлено из города. Я могу лишь выяснить, из какого почтового отделения. Одно могу утверждать, это сделал кто-то из своих, который все знает...

Он ошеломленно осекся.

– Значит, это правда?! – треснувшим от боли голосом прошептал Габриэль.

– Вон! – выкрикнул Мартин и, схватив с журнального столика первое, что попало ему под руку, бросил этот предмет в застывшего от страха Рафа.

Рафаэль испуганно исчез.

– Правда?!

Мартин в ужасе смотрел на племянников. Габриэль в отчаянии носился по комнате, Клементина же, наоборот, спокойно подошла к ночной тумбочке, взяла лежавшую на ней пачку сигарет и закурила. Казалось, она абсолютно не удивлена, только на губах ее блуждала странная улыбка. Теперь она поняла, почему Мартин так интересовался некоторыми людьми! Она предоставляла нужную ему информацию, значит, она – его сообщница? Так вот о каком бизнесе он тонко ей намекал? Она нужна ему, чтобы иметь выход на богатых людей, потому что сам он не хочет никоим образом оказаться связанным с ними. И тут до нее дошло, что Габриэль – ей вовсе не брат, и она усмехнулась. Хоть одна хорошая новость! Клементина потушила сигарету и посмотрела на Мартина. Мартин был удивлен ее спокойствием. Он не обманулся в

ней, и судьба не ошиблась, подарив ему эту девочку. Хотя, конечно, он немного помог в этом руке Судьбы.

– Я действительно тебе не родная?

– Ты – дочь женщины, которую я любил, – сдержанно ответил Мартин. – Ты мне больше чем племянница.

– А как насчет всего остального?! – выкрикнул Габриэль.

– Частично это правда.

– Зачем ты раскрываешься? – спросила Клементина. – Мог бы и соврать. Это был бы наилучший выход из положения.

– Рано или поздно, но вы все равно узнали бы правду.

– А может, и не узнали бы.

Мартин поднял с пола письмо и вновь перечитал его. Кто посмел так нагло вмешиваться в его жизнь?! Этот человек замахнулся на самое дорогое, что есть у него, – на детей! Сегодня же он проверит всех, кто имел доступ к его семье и скрытым сторонам его жизни. Но что-то подсказывало ему, что он ничего не узнает, и все это – лишь начало.

– Вы все равно стали бы сомневаться, – медленно проговорил он, – искать истину, проверять меня... Не доверять мне, в конце концов. От этого было бы хуже всем.

– Может, ты и отца моего убил?

– Я любил Роберта. Поэтому не смей так говорить! Я был вам хорошим дядей. Я жил и живу для вас!

«Узнаю Мартина, – подумала Клементина, – когда его загоняют в угол, он начинает нападать. Еще немного, и уже мы с Габриэлем будем вынуждены оправдываться!»

– Как насчет моих родителей? Здесь сказано, что ты приложил руку к их гибели. – Клементина взяла еще одну сигарету.

– Я не причастен к их смерти, – ни один мускул на лице Мартина не дрогнул. – Это не на моей совести. Я любил твою мать, и ничто не заставило бы меня причинить ей боль.

Клементина внимательно посмотрела на него. Искренние глаза, печаль на лице... и все же она не верила ему, но отнюдь не собиралась озвучивать свои мысли вслух. Она поговорит с ним позже – наедине.

Габриэль медленно поднялся.

– Я ухожу. Не хочу тебя больше видеть, – пустым голосом сказал он.

– Габриэль, – Мартин попытался обнять его, но тот не позволил ему дотронуться до себя. – Люди не меняют свое мнение за одну минуту. Много лет любви перечеркнуто двумя жалкими листами бумаги? Так не бывает, дорогой!

– Не прикрывайся любовью! Получается, что все свои преступления ты совершал ради нас? Ты убивал – ради меня или ради нее? – Габриэль указал на молчавшую Клементину и направился к выходу.

– Ты куда? – грозно спросил Мартин, но сердце его сжалось от страха.

– Не хочу больше жить в этом доме. И мне не нужны твои деньги!

– У тебя есть деньги твоего отца.

Габриэль усмехнулся:

– Деньги моего отца – это твои деньги. Кроме того, я не уверен, что он не был таким же, как и ты.

Мартин резко повернулся к нему и сквозь зубы процедил:

– Роберт был прекрасным человеком! Я запрещаю тебе так говорить о нем, – глаза его стали жестокими. – Его деньги – твои деньги. Я не имею никакого отношения к его сбережениям. Можешь мне верить.

Габриэль молча направился к выходу, но на пороге обернулся и спросил:

– Ты со мной, Клементина?

Она кивнула и пошла следом.

Мартин в изнеможении опустился на постель. Он потерял их, а самое главное, он потерял Клементину! Он вскочил с кровати, но тут же сел обратно. Она вернется, она обязательно должна вернуться, уверял он себя. Она не сможет жить без всего того, что он ей дал. Клементина – лишь хищник, который сейчас вырвался на свободу. Она опьянена новым ощущением, но понятия не имеет, что такое человеческие джунгли. И она слишком умна, чтобы жить только чувствами.

* * *

Клементина молча смотрела, как Габриэль складывает вещи, и думала о том, что он ей не брат. Она подошла к нему и обняла. Габриэль крепко к ней прижался. Она гладила его спину и трепетала от нежности.

– Куда? – мягко спросила она.

– Сейчас – в отель, а завтра что-нибудь придумаем.

Клементина кивнула:

– Запиши мне адрес и название отеля.

– Разве ты не едешь со мной? – растерялся он.

– Мне надо кое-что сделать, – она грустно улыбнулась. – Я приеду позже.

Клементина прошла в гостиную, взяла из бара бутылку виски, два стакана и вернулась в комнату Мартина. Тот сидел на кровати, погруженный в мрачные мысли. Она плотно закрыла дверь и присела рядом. Разлила виски по стаканам и протянула ему.

– А теперь поговорим, как взрослые люди, – спокойно произнесла она. – Без истерик и вранья.

– Спрашивай, – усмехнулся Мартин.

– Моих родителей пришел ты? – это было скорее утверждение, чем вопрос.

– Да, я приказал их убить, – хладнокровно ответил Мартин. Он ничего не собирался отрицать, так как интуитивно почувствовал, что в данную минуту лучше говорить правду.

– За что? – невозмутимо продолжала Клементина.

– За предательство, – Мартин подошел к окну. – Все в жизни можно простить, только не предательство.

– Ты любишь меня, Мартин?

Он обратил внимание, что она не сказала «дядя», но не придавал этому значения. Пусть называет его, как хочет, лишь бы осталась. Он остановился перед ней, затем опустился на колени.

– Больше жизни своей!

– Тогда зачем ты все это делаешь?

– Ты не знаешь меня, Клементина. Не знаешь, через что мне пришлось пройти.

Клементина рассмеялась:

– О, Мартин, не играй со мной! Оставь это для нежного Габриэля. Сейчас ты скажешь, что у тебя было жестокое детство, что тебя часто обижали, предавали... Ты потерял своих любимых... Поэтому у тебя не было выбора? Чушь собачья! Ты делал это из-за денег! А в подобные сопли я не верю.

Мартин с удивлением посмотрел на нее. Проницательная малышка!

– У меня действительно не было выбора, – усмехнулся он и поднялся с колен. – Жизнь просто поставила меня перед фактом. Передо мною лежала лишь одна дорога. Но тебе я дам возможность выбирать.

– Ты или Габриэль?

– Нет, дорогая, – зло улыбнулся он, – любовь или деньги?

Она оторопело уставилась на него, а Мартин продолжал:

– У тебя есть выбор, солнышко мое. Ты можешь уйти с Габриэлем и попытаться быть счастливой либо остаться со мной и продолжать жить в роскоши. Но учти: если ты уйдешь, я лишу тебя всего! Ты уйдешь в том, в чем сейчас стоишь передо мной.

Клементина задумчиво смотрела на Мартина, и он не мог понять, о чем она думает. Он поставил на кон все и со страхом ждал ответа. Но он понимал, что, если выбор будет не в его сторону, он все равно не даст ей уйти.

– Ты давно знаешь мой ответ.

Клементина одним глотком допила свой виски и с грохотом поставила стакан на стол. Сердце Мартина бешено заколотилось:

– Тогда тебе нужно попрощаться с братом.

– Он мне не брат, и я люблю его.

Она ушла. В комнату вошел Рафаэль, сел на кровать и тихо сказал:

– Прости, я все испортил...

Мартин потрепал его по плечу.

– Все утрясется, но твой язык я когда-нибудь отрежу!

* * *

В холле отеля никого не было. Клементина немного постояла у входа, наслаждаясь тишиной, подошла к портье и, поздоровавшись, вежливо спросила:

– В каком номере остановился мистер Хаксли?

Портье с интересом осмотрел ее и нагло поинтересовался:

– Мистер Хаксли ждет вас?

Клементина кивнула, разозлившись оттого, что портье принял ее за девушку легкого поведения.

– Скажите, что к нему пришла сестра, Клементина Хаксли, – надменно произнесла она, и портье смутился.

– Проходите, номер 6-15.

Габриэль открыл дверь и, увидев ее, с облегчением вздохнул, но затем удивленно спросил:

– А где твои вещи?

Она не обратила внимания на вопрос и, обняв его, поцеловала в губы. Габриэль мягко отодвинулся.

– Клементина, мы не должны это делать.

– Мы не брат и сестра, – прошептала она и снова потянулась к нему.

Он растерянно посмотрел на нее, но ничего не сказал.

– Я люблю тебя, Габриэль, – честно призналась Клементина и нежно посмотрела на него: – И любила даже тогда, когда не знала правды.

– Клементина, – пробормотал он, глядя в ее блестящие глаза, но она не дала ему продолжить и пылко обняла. Взяла его лицо в свои руки, приблизила к себе, и ее восхитительные губы приоткрылись. От нее исходил жар страсти, глаза потемнели, и он не смог сопротивляться.

Габриэль сжал ее в объятиях, ощущая безграничную любовь, прорвавшуюся наружу. Ему было всего двадцать два, и вся жизнь была впереди, но он уже знал, что так сильно, как Клементину, он никого не сможет любить. Он любил ее всегда, страхась, ненавидя, дико ревнуя, но никогда полностью не отдавал себе отчета в этом. Просто это чувство он запрятал в глубины своего подсознания и боялся в нем признаться.

– Давай уедем, далеко-далеко, туда, где нас никто не знает, – прошептал Габриэль.

Течение времени повернулось в обратную сторону. Казалось, сама жизнь смеется над Клементиной, поставив ее в такую же ситуацию, как и Ирэн ле Руж. Только ее мать выбрала любовь.

* * *

Клементина шла по Манхэттену, не разбирая дороги. Она плакала, и прохожие с жалостью смотрели на молодую женщину с залитым слезами лицом, но она не замечала их взглядов. Она думала о Габриэле, вспоминала полные боли темные глаза и его молчание. Он просто отпустил ее.

Как она любила его – и как ненавидела! Много лет спустя она все еще думала, что Габриэль предал ее, бросил. Почему он не заставил ее остаться, не уговорил, не убедил? Почему он так спокойно принял ее решение? Потому что не любил ее? Любил, она чувствовала это! Просто он не желал ломать ее, он хотел, чтобы она сама решила, что для нее важнее. И она выбрала деньги.

Она пришла к Эрику.

– Где ты пропадала? – спросил он. – Я соскучился, – и потянулся к ее губам.

Клементина увернулась. Глаза ее загорелись злостью, она подошла к телефону и твердо произнесла:

– Мы летим в Лас-Вегас. Я закажу номер в отеле «Луксор».

– Зачем? – удивился Эрик.

– Я собираюсь выйти за тебя замуж, сегодня же!

ГЛАВА 12

Через четыре месяца брак Клементины Хаксли и Эрика Ройса был расторгнут. Эрика уличили в неверности, и вместе с очаровательной фамилией Ройс Клементина получила повиную состояния, так как о том, чтобы составить брачный контракт, счастливый муж и не подумал. Все жалели миссис Ройс и осуждали Эрика, но никто не заподозрил – и сам Эрик в том числе, – что измены как таковой не было. Это была тщательно продуманная и безупречно осуществленная операция под руководством Мартина Хаксли.

Когда Клементина объявила «дяде» о состоявшейся свадьбе, ничто не изменилось в лице Мартина, он искренне поздравил молодоженов. Хитрый Мартин знал, что этот брак долго не продлится. Клементина, думал он, слишком свободолюбива, чтобы принадлежать какому-то мужчине. Он затаился и ждал, когда она начнет тяготиться замужней жизнью. Клементина же выглядела счастливой и, по всей видимости, ничего не собиралась менять. Но однажды она пришла к нему и объявила, что собирается разводиться.

– Уже сообщила мужу? – с безразличием спросил Мартин, а в душе его все так и загорелось от радости.

– Сначала я хотела поговорить с тобой.

Клементина прошлась по кабинету. Мартин почувствовал, что она хочет что-то сказать, но не решается. В голове его закружились неприятные мысли.

– Надеюсь, ты не беременна?

– Нет. Боишься стать дедом?

– Не боюсь, – процедил Мартин.

Он ничего не боялся. Но в данный момент Клементина была нужна ему женщиной свободной и не обремененной лишними хлопотами.

– Почему ты решила развестись?

Клементина мило улыбнулась:

– Эрик – хороший человек, но я не желаю быть его женой. Я хочу иметь его деньги и не хочу зависеть от тебя.

Такой правдивый ответ заставил Мартина усмехнуться:

– Мне импонирует твоя честность.

– Время лжи прошло, Мартин, – Клементина посмотрела ему в глаза. – Я пресытилась лицемерием наших отношений и хочу искренности.

Счастливый Эрик не мог и предположить, что он изменит своей горячо любимой жене. Но бешеный взгляд Клементины, заставшей его рядом с обнаженной девушкой, о многом говорил. Он с трудом мог восстановить в памяти прошедшую ночь, помнил лишь встречу с красивой женщиной, но не мог припомнить то, что произошло далее. Безумным взглядом он оглядел комнату. Разбросанные вещи, бокалы с недопитым вином и лицо Клементины, залитое слезами... Через неделю он получил уведомление о начале бракоразводного процесса. Он и не предполагал, что девушке, затащившей его в постель, хорошо заплатили, что Клементина, так горько переживавшая его измену, сама добавила наркотик в его алкоголь. Как ни умолял он ее о прощении, как ни пытался исправить ситуацию – все было тщетно. Клементина не простила его. Эрик с обожанием смотрел на нее в суде, теша себя глупой надеждой, что сейчас она встанет и скажет, чтобы все это немедленно прекратили. Он был уверен, что она любит его и только жестокая обида и гордость не позволяют ей признаться в своих чувствах. Глядя, как уже бывшая жена уезжает, он, наконец, осознал, что потерял ее навсегда.

Клементина весело отмечала свой развод в компании Эстэр Бруни. Она купила себе квартиру в Милане и стала частым гостем в палаццо подруги.

– Не понимаю, как он мог тебе изменить? – Эстэр подлила себе шампанское. – И еще меньше я понимаю, как ты можешь оставаться такой спокойной!

Клементина лежала на диване и загадочно улыбалась.

– Но ведь пострадала не я, а Эрик, – сказала она. – Он лишился меня, я же многое приобрела.

– Вижу, вам очень весело? – раздался чей-то приятный голос.

В комнату вошел невысокий привлекательный мужчина лет пятидесяти. Волосы его слегка тронула седина, а лицо от постоянных пластических операций казалось неправдоподобно молодым. Он быстро подошел к Клементине, оценивающе осмотрел ее и, протянув руку, представился:

– Альберто Бруни.

– Мой отец, – добавила Эстэр.

– Клементина Ройс, – низким, хорошо поставленным голосом произнесла Клементина.

Бруни мягко дотронулся до ее протянутой руки и, посмотрев на бутылку шампанского, спросил:

– Что празднуем?

– Развод Клементины.

– Разве развод празднуют? – удивился он, и на загорелом лице появилась улыбка. – Я думал, что женщины после столь неприятной процедуры плачут и жалуются подругам на бывшего мужа, проклиная при этом всех мужчин в целом.

– О, – усмехнулась Эстэр, – только не Клементина!

Клементина вежливо молчала, с интересом рассматривая Бруни. Он излучал радушие и доброту. Трудно было представить, что на самом деле перед ней стоит лживый, продажный, беспринципный человек. Но Клементина доверяла мнению Мартина и по себе самой знала, насколько разительно внешняя картинка может отличаться от внутренней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.